

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 4
№ 3
2025

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Журнал «УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА» Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

С 1 октября 2024 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по научным специальностям: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения.

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
профессор, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгун,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Виталий Викторович Субочев,
профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитоновна,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Professor, Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Vitaly Subochev,

Professor, Head of Department of State Regulation, MGIMO University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Форум китайско-арабского сотрудничества: диалог длиной в 20 лет	8
<i>Е.М. Савичева, А.Д. Стеняева</i>	
Влияние внешнеполитической стратегии КНР на развитие и процесс евроинтеграции Западных Балкан (на примере Сербии)	21
<i>М. Церович</i>	
Внешняя периферийная дипломатия Китая в новую эпоху	29
<i>Юй Юэ</i>	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Изучение языка политики: отечественный и зарубежный опыт начала XXI века	47
<i>М.В. Гаврилова</i>	

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Становление социального контракта как нового инструмента государственной социальной помощи малоимущим гражданам: ключевые последствия	64
<i>К.А. Мордашов</i>	
Информация для авторов	74

Contents

INTERNATIONAL POLITICS

China-Arab States Cooperation Forum: 20-year Dialogue	8
<i>Elena Savicheva, Anastasia Stenyaeva</i>	
Impact of China's Foreign Policy Strategy on Development and the European Integration Process in the Western Balkans: the Case of Serbia	21
<i>Milosava Cerovich</i>	
China's External Periphery Diplomacy in the New Era	29
<i>Yu Yue</i>	

POLITICAL SCIENCE

Analysis of the Language of Politics: Russian and Foreign Researches at the Beginning of the XXI Century	47
<i>Marina V. Gavrilova</i>	

PUBLIC ADMINISTRATION

Emergence of a Social Contract as a New Instrument of State Social Assistance to Low-Income Citizens: Key Consequences	64
<i>Kirill A. Mordashov</i>	

Brief Author's Guide	74
----------------------------	----

Форум китайско-арабского сотрудничества: диалог длиной в 20 лет

Е.М. САВИЧЕВА¹

Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
(Россия)

А.Д. СТЕНЯЕВА²

Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
(Россия)

Аннотация

В статье исследуются предпосылки возникновения и деятельность Форума китайско-арабского сотрудничества на протяжении двух десятилетий. Выявлены ключевые факторы и особенности развития китайско-арабских отношений, основные приоритеты сотрудничества, выделены этапы работы Форума. Дается характеристика основных моделей партнерских отношений КНР со странами ближневосточного региона. Особое внимание уделено оценке результатов, а также проблемам и перспективам работы Форума. Авторы придерживаются парадигмы неореализма, в частности, теории баланса сил и региональных комплексов безопасности, принципа, согласно которому, внешняя политика государства диктуется логикой международной системы и распределения силы среди государств. Эвристичными оказались положения теории «властного транзита», которые приблизили к пониманию роли и места Китая, превращающегося в сверхдержаву в мировой политике. Деятельность Форума китайско-арабского сотрудничества, несмотря на имеющиеся проблемы и риски, приносит участникам положительные результаты и вносит весомый вклад в реализацию амбициозных планов по «национальному возрождению», экономическому и политическому процветанию как КНР, так и арабских стран. Авторы приходят к выводу, о понимании сторонами целесообразности и практической выгоды в сложившихся политических реалиях от углубления сотрудничества на площадке Форума. Поскольку отношения Пекина с арабскими партнерами в настоящее время выходят за рамки чисто экономических интересов и затрагивают стратегические интересы Китая, активно продвигающего масштабную инициативу «Один пояс, один путь», их тесное многоотраслевое сотрудничество, актуализированное прагматическими соображениями, во многом, определит экономические перспективы и геополитическую значимость обеих сторон в формировании многополярного мира.

¹ Савичева Елена Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН). 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: savicheva@mail.ru

² Стеняева Анастасия Дмитриевна – магистрант кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН). 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: 1132236771@pfur.ru

Ключевые слова

форум китайско-арабского сотрудничества, стратегическое партнерство, Китай, арабские страны, экономика, энергетика, инвестиции, торговля, культурный обмен, риски

Благодарности

Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования

Савичева Е.М., Стеняева А.Д. (2025). Форум китайско-арабского сотрудничества: диалог длиной в 20 лет. *Управление и политика*. 3(4). С. 8–20. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-8-20

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

В 2026 г. исполняется 70 лет с того момента, когда были заложены основы сотрудничества между КНР и странами Арабского Востока. Тогда, в 1956 г., Китай установил дипломатические отношения с Египтом, Сирией и Северным Йеменом, что стало началом серьезных сдвигов в его внешнеполитической стратегии (Пахомова, 2014). За прошедшие десятилетия диалог Китая с арабскими странами перерос так называемую «идеологическую» дружбу и достиг уровня взаимовыгодного многопланового партнерства. В условиях трансформации мировой системы значимость этого партнерства будет только возрастать. Китай и ближневосточные страны, являющиеся одной из основных площадок борьбы за мировое лидерство, разделяют общие интересы и подходы к решению многих глобальных проблем и формируют новую мощную силу на международной арене, которая может изменить геополитический ландшафт XXI века.

Современный Китай, с быстро растущим уровнем благосостояния населения, беспрецедентной способностью проецировать экономическую и политическую мощь за рубеж, разительно отличается

от Китая середины прошлого века, когда правительство Мао Цзэдуна только начало налаживать контакты с получившими независимость арабскими странами. Вместе с тем, несмотря на стремительную динамику в отношениях Пекина с арабским миром, можно выделить ряд особенностей, которые свидетельствуют о некоей преемственности, а также огромном потенциале для развития этих связей на перспективу. Прежде всего, Пекин в отношениях с партнерами твердо и последовательно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств, декларированного еще в 1950-е гг. Кроме того, Китай на протяжении многих лет являлся для руководителей ряда арабских стран своего рода образцом и примером для продвижения авторитарного порядка в своих странах.

Со своей стороны, расширение связей с КНР стало одним из приоритетов арабской дипломатии. В качестве площадки для развития и укрепления традиционных дружеских связей между Китаем и арабским миром в 2004 г. был создан Форум китайско-арабского сотрудничества, который стал основным

механизмом проведения двустороннего и многостороннего диалога, тем самым способствуя углублению взаимопонимания и взаимодействия между народами (Tong Fei, 2024). Учредительный документ Форума был подписан в Каире 14 сентября 2004 г.³, а о его создании было объявлено в ходе исторического визита бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао в штаб-квартиру Лиги арабских государств (ЛАГ) 30 января 2004 г.⁴ В 2024 г. Форум отметил свое 20-летие.

Несмотря на то, что Форум служит, прежде всего, платформой для диалога с арабскими странами, его деятельность вписывается во внешнеполитическую стратегию КНР, нацеленную на расширение своего влияния в мировом масштабе. В данном контексте представляется, что анализ эффективности деятельности Форума китайско-арабского сотрудничества сквозь призму достигнутых успехов и рисков, а также его потенциала в качестве дорожной карты развития китайско-арабских отношений, приобретает особую научно-практическую значимость.

К историографии проблемы

Диалог КНР с арабскими странами в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества вызывает в научном сообществе большой интерес ввиду растущего влияния Китая в регионе и активного продвижения здесь инициативы «Один пояс, один путь». В трудах М.А. Пахомовой (Пахомова, 2014), Т.Л. Дейч (Дейч, 2018), Е.Н. Грачикова (Грачиков, 2019), Ж.В. Петруниной (Петрунина, 2016),

Е.М. Савичевой, А.М. Бребдани и И.В. Рыжова (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022), А.В. Фролова (Фролов, 2023), рассматриваются особенности партнерских отношений Китая и арабских стран, включая энергетическое и торгово-инвестиционное сотрудничество, инфраструктурные проекты, взаимодействие в культурно-гуманитарной сфере. Авторы отмечают, что такой формат межгосударственных связей следует рассматривать, помимо всего прочего, как инструмент поддержания баланса на международной арене, как реально работающую парадигму гармоничного сосуществования различных цивилизаций. Форум стал действенным инструментом реализации целой серии крупномасштабных проектов инициативы «Один пояс, один путь».

Дж. Фултон исследует эволюцию политики Китая в отношении арабских стран в контексте роста его глобального влияния (Fulton, 2019). Автор акцентирует внимание на осуществлении Пекином относительно плавного перехода от осторожного, ориентированного сугубо на экономические интересы диалога к более активной политике, в том числе, реализуемой в форматах Форума китайско-арабского сотрудничества и инициативы «Один пояс, один путь». Дж. Фултон подчеркивает, что КНР более не является «пассивным игроком», а формирует свою, альтернативную западной, модель влияния, основанную на принципе невмешательства и экономических стимулах.

Заслуживает внимания совместная работа китайского ученого Сунь Дэгана и арабского исследователя Я. Зубира (Sun,

³ 中国 - 阿拉伯国家合作论坛宣言. [Декларация Форума китайско-арабского сотрудничества. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200409/t20040922_7946926.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

⁴ 关于成立“中国 - 阿拉伯国家合作论坛”的公报. [Коммюнике о создании Форума китайско-арабского сотрудничества. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200401/t20040130_7946873.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

Zoubir, 2014), в которой обобщается опыт десятилетней деятельности Форума. Форум, по мнению экспертов, стал мощным импульсом для развития и углубления взаимоотношений между странами, принадлежащими к двум великим цивилизациям. Совместные усилия Китая и арабских государств, полагают они, могут внести значительный вклад в формирование более справедливого и устойчивого многополярного миропорядка.

Исследователи Ван Цзиньян и Ли Вэйцзян в своем труде (Wang Jinyan, Li Weijian, 2024) показывают, как в КНР формируется нарратив о «новом типе международных отношений». Авторы утверждают, что взаимодействие Китая с арабским миром в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества и инициативы «Один пояс, один путь» становится исторически значимым в эпоху глобальных трансформаций – формирования новой полицентричной системы международных отношений и кризиса западной модели глобализации. Работа Форума представляется альтернативой идущим в тупик западным инициативам. К аналогичному по своей сути выводу приходят и Дин Цзюнь и Чжу Линь, которые детально исследуют китайско-арабское сотрудничество (Ding Jun, Zhu Lin, 2022), отмечая впечатляющие результаты, полученные за два десятилетия деятельности Форума. Среди них – значительный скачок в объемах товарооборота, реализация китайских инфраструктурных проектов в арабских странах, проведение совместных антитеррористических операций, военно-техническое сотрудничество, углубление культурно-образовательных связей.

В своей работе Лю Чжунминь анализирует вклад КНР в «примирение»

противоборствующих ближневосточных государств, в урегулирование конфликтов и формирование новой системы безопасности в регионе (Liu Zhongmin, 2024). Автор оценивает Китай как надежного и беспристрастного посредника в международных делах, приводя в качестве примера успешное посредничество китайской дипломатии в восстановлении отношений между Саудовской Аравией и Ираном, что стало серьезной заявкой Пекина на стабильное присутствие на Ближнем Востоке.

Высоко оценивая имеющиеся на сегодняшний день труды, посвященные политике Китая на Арабском Востоке, отметим, что в контексте современной геополитической напряженности, глобальной турбулентности и периодически возникающих экономических кризисов, ряд вопросов, касающихся рассматриваемой темы требуют более глубокого анализа, в частности, это относится к оценке реализации соглашений, заключенных в рамках и по итогам прошедших Форумов, а также их влияния на экономические, политические и гуманитарные процессы в странах региона, в том числе с прогнозом на перспективу.

Предпосылки создания Форума китайско-арабского сотрудничества

Полноценное китайско-арабское сотрудничество в многостороннем формате стало возможным лишь начиная с 1990-х гг., когда были установлены связи практически со всеми арабскими странами. Так, старт дипломатическим отношениям Китая с Катаром был дан в 1988 г., с Бахрейном – 1989 г., с Саудовской Аравией – в 1990 г.⁵ Ряд государств

⁵ 中华人民共和国与各国建立外交关系日期简表. [Даты установления дипломатических отношений КНР с различными странами. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/2193_674977/200812/t20081221_9284708.shtml (дата обращения: 24.03.2025).

Персидского залива в течение длительного времени воздерживались от контактов с коммунистическим Китаем, что было во многом обусловлено соображениями идеологического характера, укреплением партнерства с США и другими странами Запада, особенно в сфере безопасности, а также политической поддержкой Тайбэя (Tong Fei, 2024).

Важным этапом на пути становления Форума китайско-арабского сотрудничества стало подписание в январе 1999 г. меморандума о взаимопонимании между МИД КНР и Генеральным секретариатом ЛАГ относительно создания механизма двусторонних политических консультаций. Министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань предложил приоритетные направления в развитии китайско-арабских связей – усиление политического диалога, расширение экономического сотрудничества и взаимная поддержка в международных делах (Liu Guoju, Wang Liying, 2014). Так начала формироваться правовая основа для многостороннего взаимодействия Китая со странами ЛАГ. Был создан механизм регулярных политических консультаций на уровне министров иностранных дел.

Серьезные политические потрясения начала 2000-х гг. на Ближнем Востоке, вызванные событиями вокруг Ирака и приведшие к изменению регионального баланса сил, не могли не отразиться на характере и уровне отношений КНР с арабскими странами. В стремлении сдерживать все усиливавшееся влияние Вашингтона, в арабских столицах обратили взор на Китай, рассматривая его как альтернативу США, чья ближневосточная политика нередко вела к росту региональ-

ной нестабильности и несла в себе угрозу свержения легитимной власти в странах региона. На этом турбулентном фоне Пекин предложил модель сотрудничества без вмешательства во внутренние дела государств.

В начале 2004 г. состоялось турне председателя КНР Ху Цзиньтао по трем африканским странам – Египту, Габону и Алжиру, в ходе которого он посетил штаб-квартиру ЛАГ в Каире. Тогда было достигнуто соглашение о создании Форума китайско-арабского сотрудничества как платформы развития многостороннего взаимодействия в политической, экономической и культурной сферах. Инициатива Китая отражала стремление углубить торгово-экономические связи со странами региона, что было особенно важным для обеспечения энергетической безопасности КНР.

В своей речи на открытии первой министерской встречи Форума в сентябре 2004 г. в Каире министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин отметил: «Арабский мир представляет собой важную силу на международной арене. Между арабскими странами и Китаем сложилась давняя и крепкая дружба. Общие цели, схожая история, а также широкий спектр взаимосвязанных интересов способствуют укреплению сотрудничества между сторонами. Китай всегда был и остается искренним другом арабских народов, независимо от изменения международной ситуации и новых конфигураций в геополитическом пространстве»⁶. Было отмечено, что создание Форума является важным шагом в укреплении китайско-арабских отношений в новых политических реалиях.

⁶ 李肇星部长在中阿合作论坛首届部长级会议上的致辞。[Речь министра Ли Чжаосина на первой министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_682830/zyjh_682840/200409/t20040922_9387154.shtml (дата обращения: 24.03.2025).

В уставных документах Форума зафиксировано, что он основан на взаимном уважении сторон, а его целью является укрепление межрегионального партнерства, развитие политического диалога и расширение финансовых, торговых и культурных обменов. Председатель КНР Ху Цзиньтао обозначил ключевые принципы, на которых строилось новое партнерство между Китаем и арабским миром, и это: укрепление политических отношений на основе взаимного уважения; расширение экономических и торговых связей в целях взаимовыгодного сотрудничества; углубление культурных обменов; тесное сотрудничество в международных делах с целью поддержания мира во всем мире и содействия развитию⁷.

Механизмы и вехи сотрудничества

Участниками Форума является Китай и все члена Лиги арабских государств,

встречи проходят раз в два года – поочередно в Китае и одной из арабских стран – для обсуждения региональных проблем и возможностей расширения дальнейшего сотрудничества.

По состоянию на 2024 г., в рамках Форума создано около 20 механизмов, охватывающих различные сферы сотрудничества, и выпущено 85 итоговых документов различного рода⁸. Министры иностранных дел на встречах определяют приоритеты политики на ближайшие два года. С 2022 г. деятельность Форума была существенно расширена за счет повышения статуса диалога до уровня глав государств, а также углубления сотрудничества в новых стратегических сферах. Таким образом, Форум трансформировался из экономико-дипломатического формата в полноценную платформу стратегического партнерства. Структура механизмов работы Форума представлена в Таблице 1.

Таблица 1.

Механизмы работы Форума китайско-арабского сотрудничества

Министерская встреча (部长级会议)
<ul style="list-style-type: none"> • долгосрочный механизм, в его составе - министры иностранных дел КНР и арабских государств, а также Генеральный секретарь ЛАГ; • проводится раз в два года поочередно в КНР и одной из арабских стран; • рассматриваются вопросы укрепления сотрудничества в различных областях, региональные и международные проблемы, представляющие взаимный интерес, в том числе, влияющие на выполнение планов работы Форума.
Заседание Комитета высших должностных лиц (高官委员会会议)
<ul style="list-style-type: none"> • регулярные заседания проводятся раз в год поочередно в КНР и одной из арабских стран; • отвечает за подготовку министерских встреч и контроль за выполнением принятых решений.

⁷ 关于成立“中国 - 阿拉伯国家合作论坛”的公报. [Коммюнике о создании Форума китайско-арабского сотрудничества. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200401/t20040130_7946873.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

⁸ 王毅：加快构建面向新时代的“中阿命运共同体”——写在“中阿合作论坛第十届部长级会议”召开之际 [Ван И: ускорение создания китайско-арабского сообщества единой судьбы новой эпохи. Выступление на 10-й министерской встрече Форума китайско-арабского сотрудничества. Государственный совет КНР]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6954208.htm (дата обращения: 24.03.2025).

⁹ Составлено авторами по: 中国—阿拉伯国家合作论坛 [Форум китайско-арабского сотрудничества]. URL: <http://www.chinaarabcf.org/> (дата обращения: 24.03.2025).

Другие механизмы
<ul style="list-style-type: none"> • Стратегический политический диалог на уровне высших должностных лиц (高官级战略政治对话), 2015 г. • Дискуссионный форум по китайско-арабским отношениям и диалогу цивилизаций (中阿关系暨中阿文明对话研讨会), 2005 г. • Китайско-арабский форум по развитию и реформам (中阿改革发展论坛), 2018 г. • Форум по промышленно-инвестиционному сотрудничеству (中阿企业家大会暨投资研讨会), 2005 г. • Форум по сотрудничеству в энергетической сфере (中阿能源合作大会), 2008 г. • Фестиваль арабского / китайского искусства (中阿互办艺术节), 2006 г. / 2008 г. • Форум информационного сотрудничества (中阿新闻合作论坛), 2008 г. • Форум китайско-арабской дружбы (中阿友好大会), 2006 г. • Форум по развитию городов (中阿城市论坛), 2014 г. • Форум сотрудничества в области спутниковой навигационной системы Бэйдоу (中阿北斗合作论坛), 2017 г. • Форум по проблемам женщин (中阿妇女论坛), 2015 г. • Форум сотрудничества в области здравоохранения (中阿卫生合作论坛), 2015 г. • Форум сотрудничества в области телерадиовещания (中阿广播电视合作论坛), 2011 г. • Форум по библиотечно-информационной деятельности (中阿图书馆与信息领域专家会议), 2015 г. • Форум сотрудничества в области науки, технологий и инноваций (中阿技术转移与创新合作大会), 2015 г. • Форум молодежного развития (中阿青年发展论坛), 2023 г. • Китайско-арабский альянс аналитических центров (中阿智库联盟), 2024 г.

Table 1. Working Mechanisms of the Sino-Arab Cooperation Forum

Китай выстраивает дифференцированную систему партнерств с арабскими государствами на платформе Форума в целях максимально эффективной реализации своих политических, экономических и геостратегических интересов. Разные уровни отношений отражают степень вовлеченности той или иной арабской страны в сотрудничество с КНР, ее геополитический вес и готовность поддерживать китайские инициативы (Грачиков, 2019).

Понятие «стратегическое партнерство» предполагает сотрудничество, нацеленное на долгосрочную и устойчивую перспективу. Такое взаимодействие не подвержено каким-либо несущественным разногласиям и не зависит от случайных событий и текущих политических тенденций. «Всеобъемлющее партнерство» предполагает

масштабное сотрудничество, охватывающее все ключевые сферы – экономическую, политическую, научно-технологическую, культурную, а также взаимодействие в различных форматах – двустороннем и многостороннем, и вовлеченность в процесс как государственных, так и негосударственных субъектов. Китай, непрерывно развивая новые партнерские связи, уделяет большое внимание модернизации уже существующих партнерских отношений. Обновление партнерства в сложной международной динамике свидетельствует о том, что обе стороны пришли к соглашению о более тесном и расширенном политическом, экономическом, оборонном сотрудничестве.

В Таблице 2 представлены партнерства, которые заключены КНР в рамках работы Форума.

Таблица 2

**Тип партнерских отношений КНР со странами ЛАГ
в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества**

Страна	Тип партнерства	Год установления
Алжир	Всеобъемлющее стратегическое партнерство 全面战略伙伴关系	2014
Бахрейн		2024
Джибути		2024
Египет		2014
ОАЭ		2018
Саудовская Аравия		2016

Иордания	Стратегическое партнерство 战略伙伴关系	2015
Ирак		2015
Катар		2014
Коморские острова		2024
Кувейт		2018
Мавритания		2024
Марокко		2016
Оман		2018
Палестина		2023
Сирия		2023
Сомали		2024
Судан		2015
Тунис		2024

Table 2. Type of Partnership between China and LAS Countries within the Framework of China-Arab States Cooperation Forum

Источник: Составлено авторами по: 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/ (дата обращения: 26.03.2025).

В ходе первой министерской встречи 14 сентября 2004 г. в Каире Генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса и глава МИД КНР Ли Чжаосин подписали два основополагающих документа, которые закрепили институциональные рамки Форума и задали вектор китайско-арабского сотрудничества – Декларацию Форума китайско-арабского сотрудничества¹⁰ и первый План действий Форума. Была достигнута договоренность о проведении в 2005 г. съезда предпринимателей с целью содействия экономическому сотрудничеству между сторонами.

Во время министерской встречи в Пекине в 2006 г. было подписано Коммюнике о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Участники встречи подчеркнули важность торгово-экономического сотрудничества, культурно-гуманитарного обмена и взаимодействия в сфере безопасности.

В результате третьей министерской встречи, которая проходила в Манапе в 2008 г., стороны пришли к взаимопониманию о необходимости решительных

действий по увеличению двусторонних инвестиций и торговых операций, упрощению доступа к рынкам, активизации обмена опытом и знаниями в управлении экономикой, налаживанию сотрудничества малых и средних предприятий, расширению информационного обмена. По итогам встречи было принято решение о создании механизмов, работающих в инвестиционной и торговой сферах.

На четвертой министерской встрече, состоявшейся в Тяньцзине в 2010 г., стороны выразили уверенность в необходимости укрепления двустороннего диалога и повышения уровня китайско-арабских отношений во всех сферах в целях достижения общих целей народов двух цивилизаций и содействия миру и процветанию во всем мире.

Пятая министерская встреча, проходившая в 2012 г. в Хаммамете, была посвящена вопросам углубления стратегического сотрудничества и содействия общему развитию. В ходе встречи были достигнуты соглашения по расширению сотрудничества в здравоохранении,

¹⁰ 中国 - 阿拉伯国家合作论坛宣言. [Декларация Форума китайско-арабского сотрудничества. Министерство иностранных дел КНР]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zilia_o_674904/1179_674909/200409/t20040922_7946926.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

На министерской встрече 2014 г., проведенной в Пекине, широко обсуждалась кооперация в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и место в ее реализации арабских стран. Была предложена новая модель взаимодействия сторон – «1+2+3», в которой под единицей рассматривалось энергетическое сотрудничество как ключевой элемент, два других важных направления – торгово-инвестиционное и строительство инфраструктуры, плюс три в области высоких технологий – атомная энергетика, космос и возобновляемые источники энергии.

Седьмая министерская встреча, состоявшаяся в Дохе в 2016 г., была приурочена к 60-й годовщине установления дипломатических отношений между Китаем и рядом арабских стран. В честь этого события свет увидел документ «Политика КНР в отношении арабских стран», в котором высоко оценивалась роль Форума в укреплении китайско-арабских отношений¹¹.

Министерская встреча 2018 г. была ознаменована повышением в рамках Форума уровня китайско-арабских отношений до стратегического партнерства. В основе отношений нового уровня – совместное участие в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, Пекин заявил об открытии специальной кредитной линии в 20 млрд долл. на экономическое восстановление арабских стран, переживших трагедию вооруженных конфликтов – Сирии, Йемена, Ливана. Китай и арабские государства договорились

укреплять взаимное доверие и работать над воплощением мечты о национальном возрождении и процветании сторон.

Девятая министерская встреча 2020 г. состоялась в видеоформате. Было обнародовано совместное заявление КНР и арабских стран о солидарности в преодолении пандемии коронавируса. Стороны договорились о проведении совместного саммита с целью углубления стратегического партнерства и расширения областей взаимодействия. Во время своего выступления на первом саммите в Эр-Рияде в 2022 г. Си Цзиньпин предложил «восемь совместных инициатив» сотрудничества Китая и арабских стран и это – совместные действия в сферах развития, продовольственной безопасности, здравоохранения, экологии, энергетической безопасности, безопасности и стабильности, молодежной политики и диалога цивилизаций¹². Стороны также договорились о создании китайско-арабского сообщества единой судьбы.

На юбилейной 10-й министерской встрече в 2024 г. были подведены итоги 20-летней работы Форума и определены приоритеты на следующий десятилетний период. Об эффективности и масштабе китайско-арабского сотрудничества свидетельствуют такие цифры: в 2024 г. объем взаимного товарооборота достиг почти 400 млрд долл., прямых инвестиций — более 30 млрд долл. Особое внимание было уделено сотрудничеству в развитии искусственного интеллекта – эффективного способа стимулирования реальной экономики, в чем Пекин превзошел многие страны мира. Примечательно,

¹¹ 中国对阿拉伯国家政策文件. [Документ «Политика КНР в отношении арабских стран». Государственный совет КНР]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-01/13/content_5032647.htm (дата обращения: 27.03.2025).

¹² 习近平在首届中国 - 阿拉伯国家峰会上发表主旨讲话. [Программная речь Си Цзиньпина на саммите Китая и арабских государств. Государственный совет КНР]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-12/10/content_5731162.htm (дата обращения: 29.03.2025).

что на встрече присутствовали главы пяти государств – КНР, Бахрейна, Египта, Туниса и ОАЭ. Важным стало решение о проведении в 2026 г. второго китайско-арабского саммита. Во время переговоров участники детально обсудили палестинский вопрос и продемонстрировали искреннее стремление к скорейшему достижению всеобъемлющего, равноправного и долгосрочного решения конфликта в секторе Газа.

* * *

Имеющиеся достижения и результаты позволяют сделать вывод о том, что китайско-арабские отношения в рамках Форума демонстрируют устойчивый и позитивный рост, а экономическое и торговое сотрудничество развивается довольно быстрыми темпами. Вместе с тем, взаимодействие между сторонами оказывается под влиянием как глобальных, так и региональных процессов и событий, которые создают как благоприятные возможности, так и серьезные вызовы и риски. Прежде всего, нестабильность в странах Арабского Востока создает широкий спектр препятствий для всестороннего и масштабного сотрудничества. Экономические и торговые соглашения, достигнутые в более мирные времена, оказываются уязвимыми перед лицом внутривластных потрясений в арабских странах.

Далее, несмотря на активное экономическое сотрудничество с Китаем, в арабских столицах испытывают некоторые опасения, связанные со скрытыми мотивами его политики в регионе. Они оцениваются как геостратегические (военная экспансия под прикрытием экономической помощи, технологические угрозы, «долговая дипломатия»), так и политические риски (санкции за активное сотрудничество с КНР, вероятность возможного вмешательства во внутренние

дела страны, рост социальной напряженности из-за трудовых конфликтов).

Страны Ближнего Востока являются одними из основных поставщиков энергоносителей на мировом рынке. Регион представляет собой стратегически важную зону, где ведется ожесточенная конкуренция как региональных, так и глобальных игроков. В треугольнике Ближний Восток – США – КНР фактор сдерживания Китая со стороны Вашингтона создает немалую напряженность в связях Пекина с арабскими странами (Баланс сил..., 2021).

Несбалансированная экономическая структура, ориентация арабских стран на экспорт нефти и газа в сочетании с недостаточно развитой промышленностью предопределили тот факт, что торговля между Китаем и арабским миром ограничивается сравнительно узким спектром товаров. Серьезный торговый дисбаланс становится все более заметным препятствием в экономическом партнерстве. Для арабских стран, фактически выполняющих роль сырьевых придатков, это вызов, сигнализирующий о необходимости экономической диверсификации, а для Китая, экспортирующего готовую продукцию, – тест на способность перехода к более сбалансированной модели сотрудничества.

Участники 10-й министерской встречи (2024 г.) указали на необходимость увеличения инвестиций в механизмы, способствующие достижению более высокого уровня взаимного доверия по вопросам, затрагивающим общие фундаментальные интересы. Перспективные сферы сотрудничества (например, совместные инвестиции по всей цепочке создания стоимости в энергетике, от разведки и эксплуатации нефтяных месторождений до сооружения хранилищ, нефтеперерабатывающих заводов, развития нефтехимической промышленности) позволят укрепить

эффективность Форума и придать новый импульс двусторонним отношениям.

В то же время, несмотря на активный диалог сторон, его масштаб и глубину, взаимную заинтересованность, на сегодняшний день он пока что несопоставим с многолетними связями арабского мира, в первую очередь, стран Персидского залива, с Западом, и прежде всего с США. Государствам Ближневосточного региона предстоит сложная работа по балансированию между различными центрами

силы в условиях нарастающей геополитической турбулентности.

В свете меняющейся геополитической ситуации в мире, появления новых рисков и угроз, но вместе с тем и новых возможностей для роста и развития, совершенствование механизмов работы на площадке Форума позволит сторонам укрепить сотрудничество, активно используя потенциал и возможности исторического момента.

Received: September 1, 2025

Accepted: September 29, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-8-20

UDC: 327

International Politics / Research article

CHINA-ARAB STATES COOPERATION FORUM: 20-YEAR DIALOGUE

Elena Savicheva, PhD (History), Associate Professor of the Oriental and African Studies Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, 117198.

E-mail: savicheva@mail.ru

Anastasia Stenyaeva, Graduate Student of the Oriental and African Studies Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, 117198.

E-mail: 1132236771@pfur.ru

Abstract: The article considers the background and activities of the China-Arab States Cooperation Forum for two decades. The authors identify key factors and features of the Sino-Arab relations, main priorities of their cooperation, highlight the stages of the Forum activities. They present description of the main models of partnership between the PRC and the Middle East countries. A special attention is paid to the results, problems and prospects of the Forum. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach. The authors adhere to the paradigm of neorealism, particularly the theory of the balance of power and regional security complexes, the principle that posits that the logic of the international system and balance of force among states determine their foreign policy. The "power transit" theory allows to better understand the role of China that has been transforming into a superpower in world politics. The China-Arab States Cooperation Forum activities, despite the existing problems and risks, bring positive results to the participants. It makes a significant contribution to implementation of ambitious plans for "national revival," economic and political prosperity of both the PRC and the Arab countries. The authors come to the conclusion that in the current political realities the parties understand expediency of further cooperation aimed at strengthening bilateral ties. Since Beijing's relations with Arab partners go beyond purely economic interests and affect the strategic interests of China, which is actively promoting a large-scale Belt and Road initiative. Their close multisectoral cooperation, updated by pragmatic factors, will largely determine the economic prospects and geopolitical significance of both parties in the formation of a multipolar world.

Keywords: China-Arab States Cooperation Forum, China, Arab countries, economy, energy, investment, trade, cultural exchange

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Acknowledgements: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

Список литературы / References:

Ding Jun, Zhu Lin. (2022). Mechanism, Achievements and Significance of Cooperation between China and Arab Countries in the New Era. *Arab World Studies*, 3, 26–48. (In Chinese)

Fulton, J. (2019). China's Changing Role in the Middle East. Washington, DC, Atlantic Council.

Liu Guoju, Wang Liying. (2014). The Evolution and Development of Relations between China and Arab Countries. *Journal of Gansu Radio and Television University*, 1, 55–58. (In Chinese)

Liu Zhongmin. (2024). From the Resumption of Diplomatic Relations between Saudi Arabia and Iran to Internal Reconciliation in Palestine: China's Historical Foundation and Source of Strength in Promoting Reconciliation in the Middle East. *People's Forum*, 19, 72–75. (In Chinese)

Sun, D. & Zoubir, Y. (2014). China-Arab States Strategic Partnership: Myth or Reality? *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 3, 70–101. DOI: 10.1080/19370679.2014.12023246

Tong Fei. (2024). The Achievements, Experiences and Inspirations of the China-Arab States Cooperation Forum over the Past 20 Years. *Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition*, 6, 174–184. (In Chinese)

Wang Jinyan & Li Weijian. (2024). The Contemporary Significance of Cooperation between China and Arab States. *Modern International Relations*, 7, 79–94. (In Chinese)

Balans sil v klyuchevykh regionah mira: konceptualizaciya i prikladnoj analiz. (2021). Ed. by D.A. Degterev, M.A. Nikulin, M.S. Ramich [Balance of Power in Key World Regions: Conceptualization and Applied Analysis]. Moscow: RUDN. 300 p. (In Russian)

Grachikov, E.N. (2019). Strategiya partnerskikh otnoshenij KNR: praktika i konceptualizaciya (1993–2018) [The PRC's Strategy of Partnership Relations: Practice and Conceptualization (1993–2018)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 83–93. (In Russian)

Dejch, T.L. (2018). Kitaj v bor'be za resursy v Afrike i arabskom mire [China in the Struggle for Resources in Africa and the Arab World]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 595–611. (In Russian)

Pakhomova, M.A. (2014). KNR i arabskie strany: kharakter vzaimodejstviya [The PRC and the Arab States: The Nature of Interaction]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 3, 60–66. (In Russian)

Petrulina, Zh.V. (2016). Kitaj i strany Blizhnego Vostoka: istoriya razvitiya otnoshenij vo vtoroj polovine XX – nachale XXI vv. [China and the Middle East Countries: The History of Relations Development in the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. *Uchenye zapiski Komso-mol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1(25), 16–20. (In Russian)

Savicheva, E.M., Brebdani, A.M., Ryzhov, I.V. (2022). Kitaj i strany Soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva: ot ekonomicheskikh sdelok k strategicheskomu partnerstvu [China and the Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnership]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, 180–196. (In Russian)

Frolov, A.V. (2023). Arabskie stavki Pekina [Beijing's Arab Bets]. *Obozrevatel'*, 2, 25–35. (In Russian)

Литература на русском языке:

Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. (2021). Под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН. 300 с.

Грачиков Е.Н. (2019). Стратегия партнерских отношений КНР: практика и концептуализация (1993-2018). *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 83–93.

Дейч Т.Л. (2018). Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. № 3. С. 595–611.

Пахомова М.А. (2014). КНР и арабские страны: характер взаимодействия. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 3. С. 60–66.

Петрунина Ж.В. (2016). Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX – начале XXI вв. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. № 1 (25). С. 16-20.

Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. (2022). Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству. *Вестник Российского университета дружбы народов: Международные отношения*. № 1. С. 180–196.

Фролов А.В. (2023). Арабские ставки Пекина. *Обозреватель*. № 2. С. 25–35.

Влияние внешнеполитической стратегии КНР на развитие и процесс евроинтеграции Западных Балкан (на примере Сербии)

М. ЦЕРОВИЧ¹

Сретенская духовная академия (Россия)

Аннотация

Усиление деятельности Китая на Западных Балканах является результатом геоэкономической и политической логики. Основная цель Пекина – использовать регион в качестве шлюза и коммерческой платформы для Западной Европы, где реальные интересы Китая находятся в его стремительном поиске рынков, технологий и знаний. Китай стремится занять позиции в странах, которые находятся за пределами ЕС, но имеют перспективу стать его частью (страны Западных Балкан), таким образом, чтобы стать частью системы ЕС. При этом это подрывает доверие ЕС к Западным Балканам, которых там начинают рассматривать в качестве «троянского коня». Следует ожидать, что в перспективе Сербии придется делать политический выбор: или полностью поддержать интеграцию в ЕС, или продолжать тесную кооперацию с Китаем, и этот момент может стать поворотным моментом для дальнейшего развития как отношений с Китаем, так и для дальнейшей европейской интеграции и потенциального членства Сербии в ЕС. На данный момент Сербия не обязана проводить согласованную политику с Брюсселем, а степень гармонизации Сербии с внешнеполитическими декларациями ЕС невысока.

Ключевые слова

китайская инвестиционная политика на Балканах, сотрудничество «16 + 1», ЕС, Западные Балканы, Сербия

Для цитирования

Церович М. (2025). Влияние внешнеполитической стратегии КНР на процесс евроинтеграции Западных Балкан на примере Сербии. *Управление и политика*. 3(4). С. 21–28. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-21-28

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

¹ Милосава Церович – заместитель директора по научно-богословской работе, РО ВО «Сретенская духовная академия РПЦ»; главный специалист по внешнеэкономическим связям, Благотворительный фонд «АБС Электро». 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, 19, стр. 1. E-mail: cerovicmila@mail.ru

После гражданской войны и распада коммунистической Югославии отношения между Сербией и Китаем стабильно развивались в общих интересах. В ноябре 1997 г., когда Сербия (в то время Союзная Республика Югославия) столкнулась с западными санкциями, президент Милошевич посетил китайскую столицу Пекин и встретился с Цзян Цзэминем. По этому случаю было заключено соглашение, согласно которому Сербия получила 1,5 млн тонн сырой нефти, но взамен должна была поставлять в Китай металлопрокат (тракторы, строительную технику и т.д.)².

В то же время были согласованы траектории военно-технического сотрудничества и укреплены политические отношения. Во время агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. Китай играл конструктивную роль и выступал в качестве защитника международного права³.

После политических перемен в Сербии в 2000 году отношения между Белградом и Пекином оставались стабильно партнерскими. Сотрудничество характеризовалось интенсивными политическими консультациями по статусу Косово, а также активизацией экономического обмена. Президент Сербии и Черногории, Коштуница посетил Пекин в 2002 году. Отношения продолжали расширяться по-

сле того, как Черногория вышла из Федерации с Сербией в 2006 году⁴.

Несмотря на пик присутствия Китая в Сербии через инвестиции и китайские кредиты для инфраструктурных проектов во время правления действующего президента Александра Вучича, основы для роста были заложены бывшим премьер-министром Сербии Мирко Цветкович.

В 2007 г. китайские инвесторы проявили интерес к покупке автомобильного завода «Застава» в Крагуеваце. Вероятно, это было одной из причин, по которой сербский автомобильный завод был продан корпорации FIAT в 2008 г. при посредничестве и большом давлении со стороны ЕС, что помешало китайской автомобильной промышленности выйти на европейский рынок. Новоизбранный президент Сербии Борис Тадич посетил Пекин в 2008 г. и присутствовал на открытии Олимпийских игр. В 2009 году он предложил новую внешнеполитическую доктрину Республики Сербия, которая включала поддержку четырех столпов: Вашингтона, Брюсселя, Москвы и Пекина.

Международное соглашение «О стратегическом партнерстве между Сербией и Китаем» об экономическом и техническом сотрудничестве в области инфраструктуры было подписано

² Milosevic, Biljana. Milosevic u Kini. NIN, br. 2447, 29 NOV 1997. URL: <http://www.nin.co.rs/arhiva/2447/tema.html> (accessed 29.12.2024)

³ Благодаря позиции Китая и России, НАТО не получило одобрение Совета Безопасности ООН на проведение военной интервенции. Во время поиска политического решения Китай поддерживал резолюцию Совета Безопасности ООН, которая остановит войну. На заседании Совета Безопасности 26.03.1999 г. предложение Китая не было принято, и агрессия в отношении Югославии продолжилась. За резолюцию о прекращении войны проголосовали Китай, Россия и Намибия. Голоса «против» подали: Аргентина, Бахрейн, Бразилия, Великобритания, Габон, Гамбия, Канада, Малайзия, США, Словения, Франция и Нидерланды.

⁴ Milosevic, Biljana. Milosevic u Kini. NIN, br. 2447, 29 NOV 1997. URL: <http://www.nin.co.rs/arhiva/2447/tema.html> (accessed 29.12.2024)

правительствами двух стран 20 августа 2009 г. в Пекине⁵. По данным Национального банка Сербии, в период с 2005 по 2013 гг. общий чистый приток денежных средств из Китая составил 20 миллионов евро⁶.

В 2010 г. Китай и Сербия подписали соглашение о строительстве моста через реку Дунай в Белграде. Мост был возведен китайской государственной компанией «China Road and Bridge Corporation» и дочерней компанией «China Communications Construction Company». Общая длина моста составила 1507 м., а с подъездными путями – 21,6 км. Первоначально планировалось, что проект обойдется в 260 миллионов долларов, однако в ходе строительства моста эта сумма была превышена (в сентябре 2014 г. было подписано дополнительное соглашение с прогнозируемым увеличением стоимости проекта до дополнительных 70 миллионов долларов для экспроприации и 32 миллионов долларов для компенсации подрядчикам и субподрядчикам). Проект финансировался за счет кредита китайского банка Exim (85%) и средств Сербии и города Белграда (15%). Мост, названный в честь великого сербского ученого Михаила Пупина, был открыт в присутствии первых лиц обеих стран в декабре 2014 г. во время саммита Китай – ЦВЕ «16 + 1» в Белграде. Этот инвестиционный проект соответствует плану строительства порта на Дунае выше по течению от моста Михаила Пупина и автодорожно-железнодорожного моста через Дунай в Винце (Dimitrijevic, 2017).

В 2014 г. сотрудничество было расширено до военной сферы с подписанием плана двустороннего сотрудничества, включая продолжение диалога на высоком уровне, образование и подготовку военных кадров, военно-экономическое и военно-медицинское сотрудничество. В 2012 году президент Николич заявил, что отношения с Китаем являются одними из самых важных для Сербии; он посетил Пекин в 2013 г., а затем еще раз в 2015 г. В декабре 2014 г. премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян совершил многодневный визит в Белград во время саммита «16 + 1». Лидер Китая посетил Сербию в июне 2016 г.⁷

В области сотрудничества в сфере возобновляемых источников энергии Сербия и Китай также добились прогресса. Так, в июле 2016 г. «Фонд Шелкового пути», «China Gezhouba Group» и «China Environmental Energy Holdings» подписали с сербской стороной меморандум о взаимопонимании и совместных инвестициях в проекты по возобновляемым источникам энергии в Сербии. Кроме того, китайская компания «Goldwin» обязалась поставлять ветряные турбины в Сербию, а китайская инженеринговая компания подписала меморандум о взаимопонимании, предусматривающий финансирование и строительство электростанции, которая будет вырабатывать электроэнергию из отходов (Dimitrijevic, 2017).

Интересы Китая в Сербии в рамках инициативы «Пояс и путь» сосредоточены на: (1) создании и модернизации

⁵ Kineski most prema Evropi. Vreme. 27. Avgust 2009. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=883029> (accessed 29.12.2024)

⁶ National Bank of Serbia (2015), Statistics. URL: <http://www.nbs.rs/internet/cirilica/index.html> (accessed 29.12.2024)

⁷ Srbija na kineskom Putu svile. dw.com. 17.06.2016. URL: <https://www.dw.com/bs/srbija-na-kineskom-putu-svile/a-19336075> (accessed 29.12.2024)

необходимой инфраструктуры для соединения Центральной Европы с морскими портами в более широком регионе Северо-восточного Средиземноморья; (2) укреплении экономического сотрудничества посредством инвестиций и приватизации. После саммита «16 + 1» в Бухаресте в ноябре 2013 г. были согласованы дальнейшие китайские инвестиции: (а) в размере 642 млн евро в дорожную инфраструктуру – строительство коридора 11, соединяющего Черногорию и Сербию, (б) в размере 999 млн евро в энергетический сектор-реконструкция Костолацкой тепловой электростанции⁸.

При этом между прямыми иностранными инвестициями и кредитами, полученными на реализацию инфраструктурных проектов, существует большая разница. Когда речь идет о прямых иностранных инвестициях, они часто являются преимуществом для Сербии, так как представляют собой конкретную прибыль в платежном балансе Сербии, в то время как льготные кредиты – нет.

В 2013 г. также была достигнута договоренность о модернизации железной дороги Белград-Будапешт. Его важность заключается в том, что это был первый проект, финансируемый Китаем и реализуемый в многостороннем формате. Этот проект, оцениваемый в 1,1 миллиарда долларов, был завершен в 2018 г. В 2014 году правительства Китая, Сербии, Венгрии и Македонии подписали соглашение о модернизации железнодорожного

сообщения с намерением продлить железную дорогу Будапешт-Белград на юг в направлении Македонии и Греции в вертикальном направлении Север-Юг. Сербия вносит инвестиции в строительство автомагистрали, которая проходит в том же направлении (южная часть Коридора 10)⁹.

Между правительством Сербии и китайской компанией «Hebeiron & Steel» (ведущий производитель стали в Китае) подписано соглашение, согласно которому Китай приобретал металлургический завод Смедерево за 46 миллионов евро. Европейская комиссия потребовала разъяснений относительно продажи Смедеревского металлургического завода и ожидала ответа от властей Сербии. Майкл Давенпорт, бывший глава делегации Европейского союза в Белграде, упрекнул сербские власти, после того как в Брюсселе разгорелась дискуссия из-за намерения китайской «Hestil» завладеть сербской сталью (Энтина, 2016).

Сербский завод экономически не связан с Китаем, однако сделка помогала сохранить 5200 рабочих мест и обеспечила Пекину большую поддержку как от сербской общественности, так и от правительства Республики¹⁰.

Значительное количество товаров из Пирея, порта импорта китайской продукции в Европу, было перевезено по железной дороге в направлении Морава-Вардар и далее на север через долину Дуная в Венгрию, Чехию и другие государства Центральной и Восточной Европы.

⁸ Opportunities and Challenges of One Belt One Road: Perspectives from China and Central and Eastern European Countries. Country report: Serbia, including Research Overviews of Bosnia-Herzegovina and Montenegro. Centre for strategic Alternatives. Belgrade, May 2016. P. 5.

⁹ Opportunities and Challenges of One Belt One Road: Perspectives from China and Central and Eastern European Countries. Country report: Serbia, including Research Overviews of Bosnia-Herzegovina and Montenegro. Centre for strategic Alternatives. Belgrade, May 2016.

¹⁰ Banovic R. China in the Balkans: Good Or Bad? Forbes. Jan 26, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/rebeccabanovic/2019/01/26/china-in-the-balkans-good-or-bad/#10989b9a588a> (accessed 29.12.2024)

Данный коридор является наиболее удобным континентальным сообщением между Эгейским морем и Центральной Европой, перспективным для китайских экономических инициатив и экономики Сербии (Zujović, 2015).

Что касается стратегий развития, то очевидно, что поскольку Китай заинтересован в сотрудничестве в сфере ИТ-индустрии, энергетики, сельского хозяйства и развития инфраструктуры, Пекин может стремиться к приватизации государственных предприятий, таких как «Телеком Сербия» и «Электроэнергетика Сербии». В последние годы развивается взаимодействие в секторе ИКТ. Ярким примером этого являются инвестиции в интегрированную телекоммуникационную систему в Сербии, для которой китайская компания «Huawei Technologies» и компания «Сербские железные дороги» подписали меморандум о взаимопонимании в 2011 году (Dimitrijevic, 2017). Сербия в настоящее время является важным партнером «Huawei» на Балканах, где компания работает над проектом 5G¹¹.

В сентябре 2018 года правительство Сербии подписало Соглашение о стратегическом партнерстве с китайской компанией «Zijin Mining Group Limited», которая за 350 миллионов долларов стала владельцем 63% горно-металлургического бассейна Бор, а также обязалась выплатить 200 миллионов долларов долга крупнейшей сербской горнодобывающей компании. Обязательный бизнес-план «Zijin» предусматривал инвестиции в размере 1,26 миллиарда долларов к 2024 г. В августе 2018 г. было заключено соглашение о строительстве шинного завода китайской компании «Shandong Linglong»

в Зренянине. Директор компании Вен Ван рассказал, что сумма вложения составляет 800 миллионов евро и на заводе будут трудиться 1200 рабочих. Строительство завода еще не окончено, поэтому точно неизвестно, сколько из этих средств было реализовано на самом деле. Государство безвозмездно предоставило китайскому инвестору земельный участок под строительство завода.

Расположение китайских предприятий в Сербии, например такого как такие как «Shandong Linlong» в Зренянине, дает очевидное преимущество для компаний КНР при выходе на европейский рынок, прежде всего, логистически. Кроме того, на данный момент Сербия имеет статус страны-кандидата на членство в ЕС и, в случае ее вступления и полноценной интеграции в европейский рынок, Китай получит ощутимое преимущество от вложенных инвестиций в эту страну и дополнительный рычаг влияния в Европе.

По данным Управления государственного долга, в настоящее время Сербия имеет долг перед Китаем в размере чуть менее 1,9 миллиарда евро, что составляет 2,5% ВВП Сербии. Как видно из нынешней балансировки бюджета, еще несколько запланированных проектов увеличат долг Сербии перед КНР в несколько раз. На строительство автомагистрали Белград-Зренянин будет выделено 710 миллионов евро. Китайский экспортно-импортный банк также выделит 680 миллионов евро на строительство обьездной дороги Белград-Бубань-Поток-Панчево и 610 миллионов долларов на строительство скоростной дороги Нови-Сад-Рума. За тепловую электростанцию «Колубара Б» – еще

¹¹ Энтина Е. Чего ждут от Пекина на Балканах. Независимая. 15.09.2019 URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2019-09-15/12_7676_dip03.html (accessed 29.12.2024)

440 миллионов евро. Скоростная автомагистраль Ив-Рак-Лайковац будет финансироваться за счет китайского кредита в размере 135 миллионов евро. Установка системы очистки сточных вод в Батайнице обойдется Сербии в 135 миллионов евро¹². В общей сложности это два с половиной миллиарда евро нового долга перед КНР. Когда к этому добавится, по крайней мере, полтора миллиарда евро – столько, сколько будет стоить участок от Прельины до Боляра, и который не планируется в перебалансировке – будет достигнута сумма в пять миллиардов евро. В бюджет (по-прежнему) не включены 3,2 миллиарда евро, которые Сербия выделила Китаю без каких-либо государственных закупок на строительство канализации и инфраструктуры для удаления твердых бытовых отходов и 165 миллионов евро на будущий теплопровод Новый Белград-Обреновац. Ранее уже был принят *lex specialis* по инфраструктурным проектам, который позволяет реализовывать проекты особой важности, по которым заключены межгосударственные соглашения, без проведения тендера.

Все проекты основаны на Соглашении об экономическом и техническом сотрудничестве в области инфраструктуры между Сербией и Китаем, которое было подписано в 2009 г. Младяном Динкичем. Согласно этому соглашению, китайский партнер не платит НДС, таможенные пошлины, на него не распространяется обязательство проведения публичных торгов. Китай также планирует модернизировать канализационную инфраструктуру в Сербии, и эта работа, как сейчас оценивается, обойдется в 3,5 миллиарда евро. Расчет показывает, что общий долг Сербии

перед китайскими кредиторами может достичь девяти миллиардов долларов.

В настоящее время политика Сербии заключается в поощрении притока иностранных инвестиций, что позволит создать новые рабочие места и будет способствовать экономическому развитию. Обратной стороной медали является то, что эти рабочие места часто подразумевают ручной труд в области грязных отраслей промышленности, они косвенно угрожают окружающей среде, часто не являются высокооплачиваемыми и не требуют привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Однако эти инвестиции приводят к повышению занятости населения в Сербии, способствуют снижению социальной напряженности, обеспечивают поддержку правительства.

Вместе с тем, Балканы, и прежде всего Сербия, становятся ареной конфликта между европейскими и китайскими нарративами. После того как ЕС запретил экспорт медицинского оборудования в пик пандемии коронавируса, президент Сербии Александр Вучич заявил, что это еще один показатель того, что «европейская солидарность – это сказка» и что Сербия отныне будет полагаться на лидера Китая Си Цзиньпина, когда он назвал его своим сербским братом.

Фактор КНР в политике расширения ЕС на Западных Балканах

Правительства западнобалканских стран доказали, что они могут инструментализовать сотрудничество с Китаем для своих собственных внутривнутриполитических целей и в контексте европейской политики. Пекин отрицает какие-либо

¹² Teleskovic A. Preti li Srbiji kineska dužnička klopka? Novi Standard. 10.05.2021. URL: <https://standard.rs/2021/05/10/preti-li-srbiji-kineska-duznicka-klopka/> (accessed 29.12.2024)

геополитические амбиции и утверждает, что поддерживает интеграцию в Европе, однако Брюссель уже предпринимает попытки ограничения влияния азиатского гиганта. В феврале 2019 г. европейские политики проголосовали за новую систему мониторинга иностранных инвестиций, которая ограничит возможности Китая покупать компании, работающие в области стратегических технологий и инфраструктуры. Тем не менее, Западные Балканы остаются открытым полем за пределами Европейского Союза, в которое уже вложена значительная часть инвестиций в рамках сотрудничества «16+1»¹³. Европейский союз имеет ограниченные возможности противостоять таким шагам: у него нет легальных механизмов влиять на внешние связи стран-кандидатов.

При этом усиленное партнерство с Китаем подрывает доверие ЕС к Западным Балканам, которых там начинают рассматривать в качестве «троянского

коня». Следует ожидать, что в перспективе Сербии придется делать политический выбор: или полностью поддержать интеграцию в ЕС, или продолжать тесную кооперацию с Китаем, и этот момент может стать поворотным моментом для дальнейшего развития как отношений с Китаем, так и для дальнейшей европейской интеграции и потенциального членства Сербии в ЕС.

Так или иначе, ЕС полностью проигнорировал необходимость оказания помощи странам-кандидатам и развития транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры для них. Только когда в ЕС обнаружили, что Китай стал естественным образом заполнять этот вакуум, в Брюсселе начали, хоть и очень скромно, активировать некоторые каналы, по которым западнобалканским странам могли бы предоставлять необходимые средства для развития. Гибкость при переговорах, которой обладает Пекин, много превосходит европейскую.

Received: January 10, 2025

Accepted: July 18, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-21-28

UDC: 327

International Politics / Research article

IMPACT OF CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY ON DEVELOPMENT AND THE EUROPEAN INTEGRATION PROCESS IN THE WESTERN BALKANS: THE CASE OF SERBIA

Milosava Cerovich, Deputy Director for Science and Theology,
Sretensky Theological Academy of the Russian Orthodox Church;
Chief Specialist for Foreign Economic Relations, ABS Electro Charitable Foundation.
Bolshaya Lubyanka St., 19, Bldg. 1, Moscow, 107031.
E-mail: cerovicmila@mail.ru

¹³ Munich Security Report 2019. The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces? P. 32.

Abstract: China's increased involvement in the Western Balkans is the result of geoeconomic and political logic of its foreign policy. Beijing's primary goal is to use the region as a gateway and commercial platform for Western Europe, where China's real interests lie in its rush for markets, technology, and knowledge. China seeks to establish itself in countries outside the EU but with potential to become the part of it (the Western Balkans), thereby becoming part of the EU system. This undermines the EU's trust in the Western Balkans, which are beginning to be viewed as a "Trojan horse." Serbia is expected to face a political choice in the future: either fully support EU integration or continue close cooperation with China. This could become a turning point for the further development of relations with China, as well as for further European integration and Serbia's potential EU membership. Currently, Serbia is not obligated to pursue a coordinated policy with Brussels, and the degree of its alignment with EU foreign policy declarations is still low.

Keywords: Chinese investment policy in the Balkans, 16+1 Cooperation, EU, Western Balkans, Serbia

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Dimitrijevic, D. (2017). Chinese Investments in Serbia – A Joint Pledge for the Future of the New Silk Road. Institute of International Politics and Economics. Belgrade.

Đorđević, B. & Lađevač, I. (2016). Benefits and Limitations of "One Belt One Road Strategy" in Relations Between China and the European Union – Serbian Perspective. *The Review of International Affairs*, LXVII, 1162-1163.

Opportunities and Challenges of «One Belt One Road»: Perspectives from China and Central and Eastern European Countries. (2016). Country report: Serbia, including Research Overviews of Bosnia-Herzegovina and Montenegro. Centre for strategic Alternatives. Belgrade, May.

Teokarević, J. (2018). *Serbia: Perspectives on Eurasian Integration*. European Council on Foreign Relations. June.

Zujović, B. (2015). *Serbia on the Silk Road*. Nova srpska politicka misao, Belgrade.

Entina, E.G. (2016). *Mezhdunarodnyy kontekst Yevrointegratsii Zapadnykh Balkan* [International Context of European Integration of the Western Balkans]. Moscow: Institut Evropy Rossiyskoy akademii nauk. 130 p. (in Russian)

Литература на русском языке:

Энтина Е.Г. (2016). *Международный контекст Евроинтеграции Западных Балкан*. М.: Институт Европы Российской академии наук. 130 с.

Внешняя периферийная дипломатия Китая в новую эпоху

Юй Юэ¹

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (Россия)

Аннотация

В статье проводится всесторонний анализ современной периферийной дипломатии Китая «в новую эпоху», когда центральным руководящим принципом становится построение «сообщества единой судьбы» и концепция периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун» («доброжелательность, искренность, взаимная выгода и инклюзивность»). Методология исследования основывается на комплексном рассмотрении историко-культурных традиций Китая, анализе официальных речей, документов, а также конкретных практик сотрудничества в рамках периферийной дипломатии. Особое внимание уделяется концепции «цинь, чэн, хуэй, жун», которая отражает традиционные ценности Китая: доверие, гармонию, уважение к соседям. В результате рассмотрения выявлено, что китайская периферийная дипломатия опирается на глубокое понимание значимости добрососедства, стремится к укреплению стратегического доверия, развитию взаимовыгодных экономических проектов, а также к обеспечению инклюзивного сотрудничества. Китай подчеркивает, что стабильность и процветание всего региона невозможны без гармоничных отношений с соседями, содействуя интеграции и коллективному развитию. В заключение делается вывод, что концепция «сообщества единой судьбы» стала фундаментом периферийной дипломатии Китая и обеспечивает устойчивое, справедливое и мирное развитие его окружения.

Ключевые слова

периферийная дипломатия, сообщество единой судьбы человечества, сообщество единой судьбы сопредельных стран, инициатива «Пояс и путь», концепция «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности»

Для цитирования

Юй Юэ (2025). Внешняя периферийная дипломатия Китая в новую эпоху. *Управление и политика*. 3(4). С. 29–46. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-29-46

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

¹ Юй Юэ – аспирант, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. 117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32.
E-mail: luna.yu9988@gmail.com

Западная геополитическая теория

Анализ западных теорий геополитики перед изучением китайской теории периферийной дипломатии необходим, поскольку представляет собой как критическое осмысление доминирующего дискурса современных международных отношений, так и основу для формирования сравнительной исследовательской парадигмы. Сформированные на Западе с XIX века теории морского могущества, «Хартленда» и другие геополитические концепции не только создали парадигму восприятия международных отношений в связке с конкуренцией за власть в центре, но и обслуживали стратегии великодержавной гегемонии. Их концептуальные инструменты, такие как «сфера влияния» или «буферная зона», до сих пор глубоко влияют на интерпретацию периферийных отношений. Только деконструировав эти теоретические предпосылки, можно выявить принципиальный разрыв логики «общества единой судьбы человечества» и политики «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» Китая с игрой с нулевой суммой, избегая упрощенных аналогий между китайскими инициативами взаимосвязанности с планом Маршалла или неокOLONIALИЗМом. Одновременно такой теоретический диалог помогает выявить геополитические корни западной теории «китайской угрозы», тем самым разрушая западный центризм в производстве знаний и создавая равное дискурсивное пространство для незападных теорий международных отношений. Лишь полностью поняв, как теории «Хартленда» Маккиндера или «наступательного реализма» Миршаймера инструментализируют географические факторы, можно точно продемонстрировать инновационную ценность китайской периферийной дипломатии, кото-

рая заменяет сферы влияния совместным развитием, а военное сдерживание – кооперативной безопасностью.

После XVI века европейские политические мыслители, такие как Жан Боден и Монтескье, начали систематически анализировать взаимосвязь географических факторов и политики, обсуждая влияние природной среды на политические институты, национальный характер и моральный дух народа. Шведский политический географ Рудольф Челлен в 1899 г. впервые ввел термин «геополитика», определив ее как теорию, рассматривающую государство в качестве географического организма или пространственного феномена. В рамках развития классических геополитических теорий последовательно сформировались концепции: «теория морского могущества» (Х. Махан), «теория государства-организма» (Ф. Ратцель), «теория Хартленда» (Х. Маккиндер) и «теория Римленда» (Н. Спайкмен). Эти теории систематизировали исследования в области геополитики, обобщив их в рамках изучения противостояния морского и сухопутного могущества.

В 1890 г. Альфред Тайер Мэхан, изучив процесс становления морского господства Великобритании (1660-1783) написал книгу «Влияние морской силы на историю», где изложил теорию морского могущества. Основной тезис гласил: Морская мощь оказывает колоссальное, подчас решающее влияние на ход истории и процветание государств, играя ключевую роль как в военное, так и в мирное время, причем морское превосходство обладает бесспорной ценностью в международной политике. Ключом к обретению морской мощи является контроль над стратегическими проливами и морскими путями для достижения господства на море (Mahan, 1890). Эта теория долгое время считалась истиной среди западных

держав, а морская политика США в определенной степени подтвердила справедливость положений геополитической теории².

В 1904 году Хэлфорд Маккиндер предложил теорию сухопутного могущества в противовес морской теории Альфреда Мэхэна. Он определил степные просторы Центральной Евразии (от Восточной Европы до Средней Азии) как «Хартленд» (срединная земля), подчеркивая, что географические особенности этого региона обеспечивают стратегическую мобильность контролирующей его державы. Его знаменитая максима гласит: тот, кто контролирует Хартленд, контролирует Мировой Остров (Евразию и Африку); тот, кто контролирует Мировой Остров, контролирует весь мир. В своем основополагающем труде «Географическая ось истории» Маккиндер выразил глубокую озабоченность положением Британии в мире (Mackinder, 1904). Он утверждал, что современные железнодорожные системы дают «странам-осям» (т.е. державам Хартленда) значительные преимущества, позволяя использовать огромные сухопутные ресурсы для экспансии к окраинам Евразии и создания флота.

В 1942 году Николас Спайкмен в своей работе «Американская стратегия в мировой политике» (Spykman, 1942) выдвинул теорию Римленда (прибрежной зоны), утверждая, что периферийные регионы Евразии (Западная Европа и Восточная Азия) имеют большее стратегическое значение, чем центральная «сердцевина» (Хартленд) и являются ключом к мировому господству. Тот факт, что основные сражения обеих мировых войн происходили именно в этих прибрежных

зонах Евразии, в определенной степени подтверждает обоснованность теории Спайкмена.

С окончанием холодной войны bipolarная система США–СССР прекратила свое существование. Геополитика также выдвинула новые теоретические требования в связи с изменениями объективной международной обстановки. На фоне подъема экономической глобализации и региональной экономической интеграции традиционные геополитические теории, ориентированные на власть, столкнулись с проблемой недостаточной объяснительной способности. В этом контексте возник ряд новых геополитических теорий. От традиционного акцента на борьбе за политическую власть к соперничеству в экономической, культурной, сетевой и космической сферах.

В 1990 г. Эдвард Н. Люттвак опубликовал в журнале «Национальный интерес» статью «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, правила торговли», в которой впервые предложил концепцию «геоэкономики» (Luttwak, 1990). Он утверждал, что геоэкономика в основном подразумевает понимание и управление межгосударственными отношениями с точки зрения экономических связей; что в новую эпоху конфликты между государствами в основном проявляются в столкновении экономических интересов, и подчеркивал использование экономической конкуренции и сотрудничества для обеспечения сохранения статуса США как сверхдержавы. По сравнению с геополитикой, основанной на политических и военных целях власти, геоэкономике можно понимать как стремление к экономическим целям власти и достиже-

² Anderson Alan M.. (2017, December). Mahan's interference in U.S. policy. U.S. Naval Institute. URL: <https://www.usni.org/magazines/naval-history-magazine/2017/december/mahans-interference-us-policy> (accessed 09.07.2025)

нию относительных преимуществ в экономической сфере. В 1993 году Сэмюэл Хантингтон предложил теорию столкновения цивилизаций (Huntington, 1993). Он утверждал, что основными факторами, формирующими будущую международную политику, будут культура и цивилизация, а не другие элементы. Скрытый смысл уникального и пессимистичного утверждения Хантингтона заключался в акценте на культурной власти и необходимости победы в конфликтах цивилизационной сферы. Теории сетевого и космического господства как новые ветви теоретического развития подчеркивают борьбу за доминирование в виртуальном киберпространстве и космической сфере.

Таким образом, после холодной войны геополитические теории, критически унаследовав традиционные концепции, приобрели новые характеристики, что в определенной степени компенсировало некоторые недостатки традиционной геополитической теории, обогатило ее содержание и расширило исследовательские горизонты. Однако по своей сути эти теории сохраняют явные признаки ориентации на власть, лишь смещая фокус на «мягкие» сферы, такие как экономика, культура и дискурсивное влияние.

Западные геополитические теории, развиваясь через критическое осмысление традиционных концепций, сохраняют в своей основе явную ориентацию на силовую политику. Анализ этих теорий выявил три принципиальных ограничения, которые затрудняют объяснение практики китайской периферийной дипломатии:

Во-первых, западные теории имеют фундаментальные ограничения в понимании национальных интересов. Все теории – от концепции морского могущества Мэхэна до теории «Хартленда» Маккин-дера – по сути, служили инструментами сохранения гегемонии отдельных держав. Например, теория Мэхэна оказала глубокое влияние на разработку программ развития военно-морских сил США. С этими идеями резко контрастирует выдвинутая Китаем концепция периферийной дипломатии «цинъ чэн хуй жун», которая создала новую парадигму. Практическое применение этой концепции ярко проявилось в Центральной Азии. На первом саммите «Китай – Центральная Азия» в мае 2023 г. Си Цзиньпин выступил с программной речью и выдвинул «предложения из восьми пунктов» по сотрудничеству Китая со странами Центральной Азии, в частности, о предоставлении Китаем странам Центральной Азии финансовой поддержки и безвозмездной помощи в размере 26 млрд юаней. Он также отметил необходимо поддерживать суверенитет, безопасность, независимость и территориальную целостность стран Центральной Азии, уважать путь развития, выбранный народами стран региона, поддерживать их усилия по установлению мира, гармонии и спокойствия³. Эти практики демонстрируют, что Китай продвигает в Центральной Азии модель сотрудничества, ориентированную на общее развитие и уважающую самостоятельные пути развития различных стран. Его философия невмешательства и приоритета развития открывает новые теоретические

³ Xi Jinping. (2023, May 9). Xi Jinping's keynote speech at the China-Central Asia Summit (full text). People.cn. URL: <https://app.people.cn/h5/detail/normal/5287360551207936> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

перспективы для понимания современных международных отношений.

Во-вторых, логика игры с нулевой суммой не способна объяснить китайскую практику сотрудничества. Традиционная геополитика абсолютизирует проблему ограниченности ресурсов. Однако в рамках инициативы «Пояс и путь» к концу 2024 г. китайско-европейские железнодорожные перевозки связали 227 городов в 25 странах Европы и более 100 городов в 11 азиатских странах, общей стоимостью более 420 миллиардов долларов США, что создало мощный импульс для регионального развития⁴. Как заявил министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии Петер Сийярто: «Мы всегда считали, что сотрудничество с Китаем – это возможность для Венгрии». Он добавил, что Венгрия выступает против разделения и рассмотрения Китая как угрозы и всегда считала, что «рассмотрение Китая как угрозы приведет только к упущенным возможностям; отношение к Китаю как к партнеру является правильным выбором»⁵ (Li Zhiyong, 2018).

Во-третьих, западные теории не могут объяснить китайское переосмысление самой природы власти. Американский ученый Джон Миршаймер в книге «Трагедия политики великих держав» утверждает, что «великие державы обречены бороться за гегемонию» (Mearsheimer, 2021).

Однако практика Китая в рамках «сообщества единой судьбы человечества» демонстрирует иной подход: за 20 лет торговый оборот между Китаем и АСЕАН стремительно вырос – с 876,38 млрд юаней в 2004 году до 6,41 трлн юаней в 2023 г., со среднегодовым ростом на 11%. Доля в общем объеме внешней торговли Китая увеличилась с 9,2% в 2004 г. до 15,4% в 2023 г. Такая модель «общей безопасности» переписывает традиционную геополитическую логику⁶.

Эти теоретические дилеммы раскрывают фундаментальную проблему: для подлинного понимания китайской периферийной дипломатии необходимо создать новую аналитическую парадигму – перейти от вопроса «кто что контролирует» к исследованию «как совместно создавать ценности». Это требует выхода за рамки традиционного геополитического нарратива о власти и перехода к построению новой теории международных отношений, основанной на мирном развитии.

Предыстория китайской периферийной дипломатии

На данный момент Китай граничит по суше с 14 странами и по морю с восемью странами. Среди этих соседних стран Россия, Япония, Индия и АСЕАН относятся к влиятельным мировым державам,

⁴ Liu Li. (2024, December 11). China-Europe Railway Express connects 227 cities in 25 European countries and over 100 cities in 11 Asian countries, with more than 11 million TEUs of goods sent and a total cargo value exceeding \$420 billion. Spanning mountains and seas, the "iron camel caravan" is injecting new momentum into the world economy ("Belt and Road Initiative" · First-hand report). China-Europe Railway Express boosts world economy. People's Daily Online – People's Daily. URL: https://news.shm.com.cn/2024-12/11/content_5419793.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁵ Han Shuo & Liu Zhonghua. (2024, May 22). @Cooperation with China is an opportunity for Hungary@ – Interview with Hungarian Minister of Foreign Affairs and Foreign Trade. People.cn. URL: <https://www.peopleapp.com/column/30044972023-50000542144> (In Chinese)

⁶ Li Xiaoyu. (2024, September 20). China-ASEAN trade has grown by 11% annually over the past 20 years. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/e/r/202409/20240903537019.shtml> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

при этом четыре ядерные державы также находятся вблизи Китая (Россия, Индия, Пакистан, КНДР). Стратегическое соперничество между великими державами – Китаем и США, Китаем и Японией, Китаем и Индией, Россией и США, Японией и Россией – является сложным и долгосрочным, определяя основные тенденции международной структуры после Второй мировой войны. Три горячие точки – Корейский полуостров, Южноазиатский субконтинент и Центральная Азия – расположены вокруг Китая, а также сохраняется нерешенная внутренняя проблема Тайваня, что стратегически делает Китай уязвимым для ситуации «окруженного со всех сторон» положения (Zhuang Hongtao, 2022). Кроме того, вблизи Китая распространены три основные религии (буддизм, православие, ислам), а среди соседних стран Центральной Азии, Западной Азии, Южной Азии и Юго-Восточной Азии существуют сложные межэтнические и межрелигиозные противоречия. Некоторые из этих противоречий выходят за границы и влияют на международные отношения, например, «три силы зла» в Центральной Азии оказывают прямое влияние на безопасность и стабильность региона⁷.

Сложная региональная обстановка все больше подчеркивает значимость периферийной дипломатии. Важной задачей для китайской дипломатии становится создание более стабильной сети региональной дипломатии. С 2013 г. новое поколение лидеров централь-

ного правительства активно продвигает региональную дипломатию, осуществляя визиты в соседние страны. С 3 по 13 сентября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с государственным визитом четыре страны Центральной Азии, где принял участие в саммите G20 и Совете глав государств-членов ШОС. Во время пребывания в Университете Назарбаева в Казахстане Си Цзиньпин выступил с речью, предложив инициативу совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути», как дела, призванного принести благо народам всех проходящих по маршруту стран⁸. Затем, со 2 по 8 октября того же года, Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с государственным визитом Индонезию и Малайзию, а также принял участие в 21-м неформальном саммите лидеров Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС) в Индонезии. Выступая в парламенте Индонезии, Си Цзиньпин предложил Китаю и странам АСЕАН укреплять морское сотрудничество, эффективно использовать Фонд морского сотрудничества Китая и АСЕАН, развивать партнерство в области океанической деятельности и совместно создавать «Морской Шелковый путь XXI века»⁹. С тех пор концепция «Пояса и пути» стала долгосрочной и масштабной национальной стратегией, учрежденной Центральным Комитетом КПК и Государственным Советом. На состоявшемся 24-25 октября семинаре по вопросам региональной дипломатии Си Цзиньпин подчеркнул необходимость

⁷ Zhao Huasheng. (2023, May 16). Where do security risks in changing Central Asia come from? Pengpai News. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_23102136 (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁸ Xi Jinping. (2013, September 8). Xi Jinping's speech at Nazarbayev University. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-09/08/content_2483565.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

⁹ Xi Jinping. (2013, October 7). Xi Jinping's speech at the 21st APEC Economic Leaders' Meeting. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-10/07/content_2501620.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

еще более решительно продвигать региональную дипломатию, создавая благоприятную региональную среду для развития Китая, приносить больше пользы соседним странам и достигать общего развития. Эффективная работа в области региональной дипломатии является потребностью для достижения целей «двух столетий» и реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации¹⁰.

В условиях глобализации усиление комплексной взаимозависимости между Китаем и его соседями заставляет Китай пересмотреть свои отношения с ними. Ранее Китай придерживался дипломатической стратегии, в которой США были на первом месте, а отношения с соседними странами должны были уступать место китайско-американским отношениям. Теперь же отношения с соседними странами станут приоритетом китайской внешней политики. Ян Сюэтонг считает, что нельзя рассматривать эти изменения как простое увеличение активности в дипломатии; это, в действительности, изменение направления (Yan Xuetong, 2013) Прошлое Китая характеризовалось неприсоединением ко многим международным вопросам, ограничиваясь лишь экономическим сотрудничеством с другими странами без обсуждения дипломатических проблем. Сейчас же экономические и вопросы безопасности имеют равное значение, причем последним может быть уделено даже большее внимание.

Идеология китайской периферийной дипломатии

В октябре 2013 г. на рабочем совещании по дипломатии с соседними странами была предложена концепция периферийной дипломатии «цинъ, чэн, хуэй, жун» (亲诚惠容, добрососедство, искренность, взаимная выгода и инклюзивность). Данная концепция ознаменовала вступление отношений Китая с соседними странами «в новую эпоху», обозначив переход периферийной дипломатии Китая от экономической взаимной выгоды к всестороннему сотрудничеству. Особо следует подчеркнуть, что концепция «цинъ, чэн, хуэй, жун» уходит корнями в традиции китайской культуры. Как отметил Цзян Инъ: «Не следует игнорировать исторические и культурные факторы, стоящие за выбором внешнеполитического курса, поскольку именно идеи, укоренившиеся в истории и культуре, а не системная структура, влияют на стратегические предпочтения акторов» (см. отсылку к концепции: Johnston, 1955). Этот тезис получил дальнейшее подтверждение 28 октября 2024 г. на 17-м коллективном изучении Политбюро ЦК КПК, где было подчеркнуто, что необходимо «глубоко исследовать и раскрывать духовное содержание превосходных традиций китайской культуры, активировать их превосходные элементы с помощью марксизма и придать им новое значение в современную эпоху»¹¹. Это важное положение предоставляет

¹⁰ Xi Jinping. (2013, October 26). Xi Jinping delivered an important speech at the symposium on Peripheral Diplomacy, emphasizing the need to strive for a favorable neighboring environment for my country's development. People.cn. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹¹ Li Yingying. (2024, October 28). Xi Jinping emphasized at the 17th collective study session of the Political Bureau of the CPC Central Committee that we should anchor the strategic goal of building a culturally strong nation and continuously develop socialist culture with Chinese characteristics in the new era. Global Times. URL: <https://china.huanqiu.com/article/4K1jJ0Kpd0T> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

фундаментальные ориентиры для понимания культурных истоков китайской концепции периферийной дипломатии.

«Добрососедство» (亲, цинь) отражает чувство близости и дружественных отношений между Китаем и его соседними странами, под которым подразумеваются принцип дружбы с соседями, доверие и гармония (Liu Qing, 2025). В отличие от современного «мирского» сознания, ранний Китай использовал слово «все под небом» (天下, тянь ся) как перспективу для понимания всего человеческого сообщества. Люди живут «под небом». Под небом существуют различные государства разного размера, и способы и степень взаимодействия и обмена между ними определяют, насколько гармонично и стабильно будет «все под небом». Чтобы достичь гармоничного и стабильного порядка «под небом», ранние китайские политические и культурные элиты обобщили и сформулировали опыт взаимодействия между государствами. Например, в самом раннем китайском политическом трактате «Книга истории» (尚书, «Шан Шу») демонстрируются мудрость и опыт гармоничного взаимодействия соседних государств¹². «Книга истории·Раздел Яо» (尚书·尧典, «Шан Шу·Яо Дянь») предлагает «гармонизировать десять тысяч соседних стран» (协和万邦, се хэ вань бан), подчеркивая гармоничное сосуществование всех под небом; «Книга истории·Приказ Цай Чжун» (尚书·蔡仲之命, «Шан Шу·цай чжун чжи мин») подчеркивает «мир с твоими четырьмя соседями» (睦乃四邻, му най сы линь), придавая большое значение

гармоничным отношениям с соседними государствами. Все это отражает стремление раннего китайского общества к гармонии и мирному сосуществованию. На основе литературных источников, выражение «доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми» (讲信修睦, цзян синь сю му) происходит из «Ли Цзэ·Ли Юнь» (《礼记·礼运》), где говорится: «Когда великий путь реализуется, все под небом становится общим; выбирают достойных и способных, говорят о доверии и поддерживают мир». (大道之行也, 天下为公; 选贤与能, 讲信修睦, 达道之君子, 天下为公; 选贤与能, 讲信修睦, да дао чжи син е, тянь ся вэй гун; сюань сянь юй нэн, цзян синь сю му) Это означает, что между людьми и государствами следует придерживаться доверия, взаимопонимания и стремиться к миру. «Доброе отношение с соседями» (亲仁善邻, синь жэнь шань линь) происходит из более раннего «Цзо чжуань» (《左传》), где говорится: «Быть близким к соседям, добро относиться к соседям – это сокровище страны» (亲仁善邻, 国之宝也, цинь жэнь шань линь, го чжи бао е). Оригинальный смысл заключается в том, что государство должно стремиться к дружбе и близости с соседними странами и придерживаться пути добрых отношений. Принципы «доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми, сохранение добрых отношений с соседом» (讲信修睦, 与邻为善, цзян синь сю му, юй линь вэй шань) отражают подход к сотрудничеству и дружбе в китайской традиционной культуре, который включает «искренность», «гармонию», «добро к людям» и «мир и культуру».

¹² Diao Daming. (2023, July 17). Promoting trust and good neighborliness. Guangming Daily. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2023-07/17/nw.D110000gmrb_20230717_1-02.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹³ Zhu Cheng. (2024). The way of promoting trust and good neighborliness. Dazhong Daily. URL: <https://www.aisixiang.com/data/154243.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

Они демонстрируют стремление китайского народа к идеалу всеобщего мира и гармонии среди всех государств¹³. Как отметил Си Цзиньпин: «Независимо от географического положения, природных условий или взаимоотношений, соседние страны имеют исключительно важное стратегическое значение для Китая». Слово «исключительно» подчеркивает важность соседних стран для Китая (Li Zhiyong, 2018). Об этом изменении можно судить уже по уровню проведения Совещания по работе в области дипломатии с сопредельными странами в октябре 2013 г. Это стало совещанием высшего уровня в сфере дипломатической работы Китая с момента основания КНР в 1949 г.

Искренность (诚信, чэн синь) всегда была одним из самых ценных качеств китайцев с древних времен, и вместе с гуманностью, справедливостью, благопристойностью и мудростью, входят в «пять конфуцианских добродетелей» (五德, у дэ), являясь этическим критерием для оценки личности. Конфуцианство подчеркивает важность честности в установлении и поддержании человеческих отношений, «быть верным слову, держать слово» (言而有信, янь эр ю синь). Однако доверие и верность не только отражают внутреннюю культуру китайского народа и способствуют поддержанию человеческих отношений. В эпоху до империи, представитель легизма Гуань-цзы впервые использовал словосочетание «искренность» и сказал «Люди в мире охотно дружат с теми, кто честен» (诚信者, 天下之结也, чэн синь чжэ, тянь ся чжи цзе е), считая, что они могут объединить людей и привести к единству мира. Позднее, Хань Фэй-цзы выдвинул идею: «Если кому-то можно

доверять в малом, то ему можно доверять и в большом (小信诚则大信立, сяо синь чэн цзэ да синь ли)». С точки зрения управления считается, что если страна может уделять внимание честности в малых делах, то она сможет завоевать доверие в больших вопросах¹⁴. Все это указывает на то, что в традиционной китайской политической мысли «искренность» рассматривается как центральная этическая норма управления, являясь ключевым элементом отличного лидерства. На современной международной арене, обещания и действия великих держав должны быть согласованы, чтобы создать долгосрочную стратегическую репутацию. Включение принципа «искренности» в число четырех основных направлений политики добрососедского сотрудничества отражает переход Китая от дипломатии слабого государства к дипломатии сильной державы, демонстрируя решимость активно участвовать в реформировании и совершенствовании глобальной системы управления. В официальных документах Китая после окончания «холодной войны» термин «дипломатия великих держав» относился к взаимодействию с такими странами, как США, Россия, Япония, Германия, Франция и Великобритания. Однако после выступления министра иностранных дел Китая Ван И в июне 2013 г. «По пути дипломатии великой державы с китайской спецификой», значение этого понятия претерпело значительные изменения. Теперь «великая держава» относится не к странам-партнерам, а к самому Китаю (Yang Jiemian, 2023).

«Взаимная выгода» (惠, хуэй) подразумевает оказание экономической помощи развивающимся странам. Си Цзиньпин

¹⁴ Gu Zuoyi & Zhong Yongning. (2019, March 4). The Eternal Virtue of «Trust»: How Ancient People Upheld «Honesty». Pengpai News. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_3071854 (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

отметил: «Нужно, чтобы соседние страны извлекали выгоду из нашего развития, необходимо предоставлять развивающимся странам посильную помощь»¹⁵. Конфуцианство подчеркивает «единство справедливости и выгоды» (义利统一, и ли тун и), утверждая, что в погоне за прибылью следует руководствоваться моральными принципами. Концепция «взаимной выгоды» согласуется с конфуцианским взглядом на «справедливость и выгоду» (义利, и ли). В отношениях с соседними странами Китай стремится не только к собственной выгоде, но и учитывает интересы соседних государств, достигая взаимовыгодного сотрудничества. Конфуций говорил: «Для джентльмена праведность – высшая добродетель» (君子义以为上, цзюнь цзы и и вэй шан), но при этом не отрицал выгоду, а призывал «думать о справедливости при виде выгоды» (见利思义, цзянь ли сы и). В дипломатии с соседними странами Китай воплощает «справедливость» (义, и) в помощи их развитию в качестве ответственности крупной державы, и «выгоду» (利, ли) – в совместном развитии и достижении общих интересов. Даосизм проповедует «альтруизм» (利他, ли та), считая, что «чем больше отдаешь другим, тем больше приобретаешь сам» (既以与人, 己愈多, цзи и юй жэнь цзи юй до). Это означает, что в процессе помощи другим можно получить еще больше. Принцип «взаимной выгоды» во внешней политике Китая отражает эту даосическую идею: оказывая поддержку соседним странам, Китай способствует стабильности и развитию региона, что

в итоге создает благоприятную внешнюю среду для Китая.

Китайско-казахская логистическая база в порту Ляньюньган и Хоргосский международный приграничный центр сотрудничества являются ярким примером взаимовыгодного партнерства. Будучи страной, не имеющей выхода к морю, Казахстан долгое время сталкивался с проблемой ограниченного доступа к морским портам. Китай, инвестируя в строительство этого современного логистического узла, предоставил Казахстану стабильный морской коридор, что позволило удобно экспортировать минеральные ресурсы и сельхозпродукцию на мировые рынки. В свою очередь открытость Казахстана создала китайским предприятиям ворота для выхода на рынки Центральной Азии, способствуя развитию двусторонней торговли и инвестиций. В 2023 г. товарооборот между Китаем и Казахстаном превысил 41 миллиард долларов США¹⁶. Это сотрудничество не только повысило международную торговую способность Казахстана, но и стимулировало открытое развитие западных регионов Китая, достигнув обоюдной выгоды.

«Инклюзивность» (容, жун) означает приверженность принципам взаиморезуменности, взаимного обмена и поиска общего при сохранении различий. Как отмечал Си Цзиньпин, необходимо продвигать идеи инклюзивности, подчеркивая, что Азиатско-Тихоокеанский регион достаточно велик, чтобы вместить общее развитие всех стран, и содействовать региональному сотрудничеству с еще более

¹⁵ Xi Jinping. (2023, November 16). Working Together to Meet Challenges and Write a New Chapter for Asia-Pacific Cooperation – Written Speech at the APEC CEO Summit. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2023/issue_10846/202311/content_6917324.html (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁶ Li Xiaoyu. (2024, July 4). (Economic Observation) Deepening economic and trade cooperation will boost China-Kazakhstan's new «Golden Thirty Years.». China News Network. URL: https://news.cnr.cn/native/gd/20240704/t20240704_526778380.shtml (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

открытым сердцем и активной позицией. Выражение «океан вмещает сотню рек, и широкая душа вмещает многое» (海纳百川, 有容乃大, хай на бай чуань, ю жоу най да) отражает способность океана объединять множество потоков. Эта идея вдохновляет людей на широту взглядов и умение принимать многообразие (Lu Guangsheng, Xu Liping, 2015). В дипломатии с сопредельными странами «инклюзивность» отражает открытость Китая в отношениях с соседними странами, использование ресурсов и опыта всех сторон, а также его готовность поделиться с соседними странами собственными возможностями для развития, чтобы совместно создать открытую и полноценную среду для регионального сотрудничества. Слово «гармония» (和合, хэ хэ) может лучше выразить духовный смысл слова «инклюзивность». «Находиться в согласии, имея разные взгляды» (和而不同, хэ эр бу тун) – принцип направлен на поиск взаимозависимости и развития на основе признания различий и разногласий (Zhou Xiaowen, Luo Zhenglin, 2025). Эта концепция подчеркивает взаимодействие с другими странами мирным и дружественным образом, уважение независимости и суверенитета всех стран и нацелена на установление мирных и стабильных отношений с соседними странами в рамках добрососедской дипломатии, удовлетворение потребностей всех стран в развитии, достижение общего развития и процветания посредством сотрудничества и содействие построению сообщества единой судьбы сопредельных стран.

Концепция китайской периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун» («доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность»), выдвинутая Си Цзиньпином, служит духовным ориентиром для построения добрососедских партнерских отношений с сопредельными странами.

Начав политику реформ и открытости, Китай постепенно усиливал свою национальную мощь и экономический потенциал. Однако быстрый рост Китая также выявил ряд проблем: изменилось отношение соседних стран к Китаю, участились экономические трения, территориальные споры и другие противоречия под влиянием множества факторов (Li Liwen, Jin Yucan, 2024). В ответ на эту ситуацию китайская политика в отношении соседей была своевременно скорректирована. Была предложена концепция периферийной дипломатии «цинь, чэн, хуэй, жун», которая стала духовным ориентиром для работы с соседними странами. Взаимодействие с соседями было поднято на приоритетный уровень всей китайской дипломатии, что подчеркивает ее исключительную важность (Li Xing, 2023). Примечательно, что на рабочем совещании по периферийной дипломатии Си Цзиньпин не только подчеркнул необходимость придерживаться принципов «цинь, чэн, хуэй, жун», но и предложил «укоренить сознание сообщества единой судьбы в соседних странах». В октябре 2013 г., во время визита в страны АСЕАН Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Строительства морского шелкового пути XXI века», а в сентябре того же года, посещая Центральную Азию, предложил создание «Экономического пояса шелкового пути», что в совокупности составило инициативу «Пояса и пути».

Итак, китайская стратегия в отношении соседних стран основывается на принципах «цинь, чэн, хуэй, жун», а ключевым путем ее реализации является строительство сообщества единой судьбы с соседними государствами. Инициатива «пояс и путь», выступая в качестве основного политического инструмента, предоставляет конкретную практическую основу для достижения этой цели.

Основные концепции китайской периферийной дипломатии

В ноябре 2015 г. в своей речи в Национальном университете Сингапура Си Цзиньпин подчеркнул: «Китай неизменно ставит отношения с сопредельными странами на первое место во внешнеполитической стратегии, рассматривая содействие миру, стабильности и развитию в регионе как свою ответственность. Продвижение более справедливой и рациональной системы глобального управления, демократизации международных отношений, установление нового типа международных отношений, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве, и строительство сообщества единой судьбы человечества — все это Китай начинает с соседних стран»¹⁷. Впоследствии общественные круги единодушно признали важность сообщества единой судьбы сопредельных стран для строительства сообщества единой судьбы человечества. В будущей внешнеполитической архитектуре Китая строительство сообщества единой судьбы человечества начнется с соседних стран¹⁸.

Плоды стремительного развития Китая в первую очередь приносят пользу соседним странам. Строительство сообщества единой судьбы человечества закономерно начинается именно с соседних государств — это естественный и логичный процесс (Wang Junsheng, 2016). В академических кругах существует консен-

сус относительно взаимосвязи этих двух концепций: сообщество единой судьбы сопредельных стран рассматривается как отправная точка и обязательный этап на пути построения сообщества единой судьбы человечества, тогда как последнее служит непосредственной идейной основой для первого. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» была включена в преамбулу Конституции КНР во время XIX съезда КПК, став широко используемым понятием во внешнеполитическом курсе Китая.

Относительно происхождения концепции «сообщества единой судьбы» среди китайских ученых существуют различные мнения. Ряд исследователей считает, что данная концепция является развитием «Пяти принципов мирного сосуществования»², впервые предложенных премьером Чжоу Эньлаем в 1953 г. в качестве руководящих принципов внешних отношений Китая. Эти принципы включают: 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, 2) ненападение, 3) невмешательство во внутренние дела, 4) равенство и взаимная выгода, 5) мирное сосуществование¹⁹. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» расширяет эти принципы до более масштабной глобальной управленческой перспективы. Она призывает все страны, независимо от их размера и мощи, совместно противостоять общим вызовам: глобальным угрозам, экономическому неравенству, изменению климата

¹⁷ Xi Jinping. (2015, November 7). Xi Jinping's full speech at the National University of Singapore. Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-11/07/c_1117071978.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁸ Wang Fan. (2025, April 21). Building a community with a shared future for neighboring countries and jointly creating a new future for Asia. People's Daily. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2025/0421/c40531-40464402.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

¹⁹ Wang Yizhi. (2024, July 14). From Five Principles of Peaceful Coexistence to the community of shared future. OSTHEORY.CN. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2024-07/14/c_1130179400.htm (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

и проблемам развития (Li Dan, 2025). По своей сути Пять принципов обеспечивают мирный характер международных отношений, тогда как «Сообщество единой судьбы человечества» предлагает более широкую рамку для глобального сотрудничества.

Другие китайские ученые рассматривают эту концепцию как продолжение традиционной дипломатической философии Китая, находящейся в полном соответствии с духом выдающейся традиционной культуры, где центральное место занимает принцип «гармонии» (和, хэ). Концепция «сообщества единой судьбы человечества» не только унаследовала квинтэссенцию традиционной китайской культуры, включая такие идеи, как «Идея сообщества единой судьбы человечества» (essence традиционной китайской культуры, включая такие концепции, как «гармоничное сосуществование» (和合共生, хэ хэ гун шэн), «Поднебесная есть всеобщее достояние» (天下为公, тянь ся вэй гун), «океан вмещает сотню рек» (海纳百川, хай на бай чуань) и «единство Неба и человека» (天人合一, тянь жэнь хэ и), но и органично интегрировала их в построение нового типа международных отношений, осуществив творческую трансформацию и инновационное развитие превосходных традиций китайской культуры (Chen Hongjuan, Wu Di, 2024).

Некоторые ученые также полагают, что выдвинутая Коммунистической партией Китая концепция сообщества единой судьбы человечества представляет собой творческое переосмысление и развитие идей социалистического общества Маркса и Энгельса, наследует идеи

нескольких поколений китайских коммунистов и является важным достижением теоретической системы социализма с китайской спецификой. Истоки этой концепции можно проследить вплоть до ранних представлений о сообществе в истории человеческой мысли – от «городского сообщества» Платона и Аристотеля и «правового сообщества» Цицерона до «политического сообщества» Руссо, «ассоциативного сообщества» Локка и «нравственного сообщества» Гегеля²⁰.

Несмотря на некоторые расхождения в трактовках происхождения данной концепции, большинство китайских ученых сходятся во мнении, что она представляет собой значительный прогресс во внешней политике Китая (Ali, Zhu, 2012). Взгляды таких ученых, как Чжоу Фаньинь, являются весьма показательными. Они считают, что сообщество единой судьбы человечества предлагается Китаем в качестве альтернативы западному доминированию в международном порядке, который делает акцент на односторонних действиях и вмешательстве (Zhou Fangyin, 2024).

Концепция сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) имеет глобальную направленность, охватывая страны с различными цивилизациями, политическими системами и уровнями развития, и ставит своей целью построение нового порядка глобального управления. Будучи развитием «Пяти принципов мирного сосуществования», эта концепция, несомненно, представляет собой важную новую главу в теоретическом обосновании внешней политики Китая. Сообщество единой судьбы в периферийных регионах (СЕСПР) является практическим

²⁰ Zhao Kejin. (2017, August 18). The rich connotation and theoretical value of the community of shared future. People.cn. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0818/c83859-29478871.html> (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

воплощением данной концепции на региональном уровне, сосредоточенном на сотрудничестве с приграничными государствами (такими как страны АСЕАН, Центральной Азии, Восточной Азии и др.) и подчеркивающим особенности географической близости, культурной общности и взаимопереплетения интересов.

В настоящее время Китай последовательно продвигает строительство СЕСПР: китайско-пакистанское сообщество судьбы стало «образцом построения СЕСПР»; Китай и Лаос «совместными усилиями создают нерушимое сообщество единой судьбы»; Китай и Центральная Азия «в условиях беспрецедентных изменений столетия, с взглядом на будущее народов стран региона, шесть государств решили сообща построить еще более тесное сообщество единой судьбы Китая и Центральной Азии»²¹.

Концепция СЕСЧ находится в полном соответствии с принципами периферийной дипломатии «цинъ, чэн, хуэй, жун», став практическим действием по углублению взаимовыгодного сотрудничества Китая с соседними странами. СЕСЧ как концепция и руководящий принцип внешней политики Китая также получил широкое признание. При этом некоторые зарубежные исследователи рассматривают СЕСЧ как руководящий принцип, играющий исключительно важную роль во внешней политике Китая и глобальном миропорядке в целом. Так, Барри Бузан и Джордж Лоусон утверждают, что данная концепция является частью широкой стратегии Китая по содействию формированию

многополярного мира с более равномерным распределением власти между ведущими державами (Buzan, Lawson, 2015). Аналогично, Надеж Роллан воспринимает сообщество единой судьбы как видение глобального управления, в рамках которого Китай стремится трансформировать мировой порядок, отходя от западной либеральной системы²².

Барриос и Риос утверждали в отчете Конгресса, что СЕСЧ является привлекательной основой для стран Латинской Америки, ищущих альтернативы западным моделям развития. Однако они также отмечают, что экономическое участие Китая через СЕСЧ и инициативу «Пояс и путь» (далее ИППП), часто приводит к ухудшению состояния окружающей среды и эксплуатации ресурсов в регионе (Barrios & Rios, 2023). Джудит Шапиро подчеркивает, что Китай стратегически использует дипломатию по изменению климата (СЕСЧ), чтобы утвердить себя в качестве лидера в глобальных усилиях по борьбе с изменением климата. Она отмечает значительные инициативы Китая по продвижению зеленой энергетики, особенно через ИППП, что соответствует целям СЕСЧ для устойчивого будущего (Li, Shapiro, 2020). Кроме того, Кишор Махбубани, известный ученый из Сингапура, поддерживает СЕСЧ за продвижение идеи о том, что каждая страна, независимо от размера или мощности, должна иметь равное право голоса в глобальном управлении. Он утверждает, что СЕСЧ является корректирующим фактором для глобального неравенства, укоренившегося в западных державах (Mahbubani, 2020).

²¹ Deng Hao. Xi Jinping Thought on Diplomacy and China's Diplomacy in the New Era. (2023, June 13). The value and practice of building a China-Central Asia community. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-06/13/content_87321577.shtml (accessed 09.07.2025) (In Chinese)

²² Rolland N. (2020, January 27). The National Bureau of Asian Research. China's vision for a new world order. URL: <https://www.nbr.org/publication/chinas-vision-for-a-new-world-order/> (accessed 09.07.2025)

Дебора Бротигам также признает, что, несмотря на опасения по поводу задолженности, СЕСЧ и ИППП способствовали значительному развитию инфраструктуры в Африке, устраняя давние пробелы в системах транспорта, энергетики и связи (Brautigam, 2019). Африканские ученые положительно оценивают эти инициативы, поскольку они вносят вклад в общую стратегию развития континента (Chiyemura, Gambino, Zajontz, 2023). Как отмечают исследователи во главе с Ван Ивэем, эта концепция стимулирует совместное экономическое развитие и взаимосвязанность, особенно между Китаем и развивающимися странами, содействуя взаимовыгодному сотрудничеству и общему процветанию через инфраструктурное строительство и торговлю (Shahriar, 2019).

Аналогичным образом, такие ученые как Цинь Яцин подчеркивают роль сообщества единой судьбы человечества в формировании глобального мирного порядка. По его мнению, данная концепция способствует созданию более безопасной международной среды через развитие взаимного доверия и диалога, а не конфронтации, что соответствует общей цели мирного возвышения Китая (Qin Yaqing, 2020). Сообщество единой судьбы становится основой для создания более безопасной и процветающей международной среды через экономическое взаимодействие, включая инициативу «Пояс и путь».

Однако исследователи-реалисты склонны довольно скептически относиться к тому, как эта концепция отражается во внешней политике и мировом порядке. Некоторые предполагают, что СЕСЧ является частью долгосрочной стратегии Китая по поддержанию мирной международной обстановки, благоприятствующей его развитию (Zhang Denghua, 2018). Неопределенность и гибкость концепции

позволяют Китаю адаптировать ее к различным контекстам, потенциально способствуя расширению своего влияния под знаменем общей судьбы. Этот тип реалистической интерпретации СЕСЧ как инструмента для гегемонистских устремлений критикуется многими учеными как предвзятый взгляд.

Дэвид Шамбо (Shambaugh, 2020) занял менее критическую и более умеренную позицию, утверждая, что СЕСЧ является частью усилий Китая по усилению своей мягкой силы и глобального имиджа, особенно в развивающихся странах, где Китай продвигает альтернативную модель развития. Для многих ученых это означает более справедливый международный порядок, благоприятствующий Китаю и другим странам Глобального Юга. Одна типичная точка зрения представляет СЕСЧ в качестве части более широкой стратегии Китая по перестройке многосторонних организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения и Организация Объединенных Наций, где Китай стремится получить большее влияние и продвигать незападный подход к глобальному управлению.

* * *

Современная международная система переживает беспрецедентные за столетия перемены: центр глобальной силы стремительно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, а традиционный западный миропорядок переживает глубокий раскол. Эта трансформация проявляется не только в перестройке геополитического ландшафта, но и в кардинальных изменениях моделей глобального управления.

В этом контексте внешняя политика Китая эволюционировала от стратегии «скрывать свои возможности и выжидать» («таогуан янхуэй») к курсу «активных действий» («фэньфа ювэй»).

Ее стратегическая логика трансформировалась от одномерной экономической к комплексной системе, объединяющей безопасность, развитие и цивилизационные аспекты. Эти изменения обусловлены структурным усилением национальной мощи Китая и отражают его активное реагирование на исторический тренд «подъема Востока и упадка Запада».

Трансформация периферийной дипломатии Китая в новую эпоху по сути является стратегическим репозиционированием в процессе возвышения государства. Ее суть заключается в балансе между «ростом мощи» и «принятием ответственности» через институциональные инновации и цивилизационный нарратив для преобразования регионального порядка. Этот процесс сталкивается со сложными вызовами великодержавного соперничества, но одновременно открывает исторические возможности для создания новых подходов к глобальному

управлению. Это не только неизбежный выбор национальной стратегии, но и важный полигон для перестройки моделей глобального управления.

Соседние страны стали первым практическим полем для реализации этой стратегии. Выдвинув концепцию «добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» и такие инициативы как «Пояс и путь», Китай использует экономическое сотрудничество как связующее звено для достижения взаимовыгодных результатов с соседними странами. Это создает практические возможности для построения «сообщества единой судьбы в периферийном регионе» и преобразует экосистему регионального сотрудничества. Данная стратегическая корректировка не только демонстрирует активную роль Китая в международной системе, но и закладывает основу для прорыва в теории периферийной дипломатии с китайской спецификой.

Received: July 10, 2025

Accepted: September 17, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-29-46

UDC: 327

International Politics / Research article

CHINA'S EXTERNAL PERIPHERY DIPLOMACY IN THE NEW ERA

Yu Yue, Postgraduate Student, Institute of China and Modern Asia
of the Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117218.
E-mail: luna.yu9988@gmail.com

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of China's modern peripheral diplomacy in the new era, where the central guiding principle becomes the building of a "community with a shared future" and the concept of «qin, cheng, hui, rong» («amity, sincerity, mutual benefit, and inclusiveness») for peripheral diplomacy. The methodology of the study is based on a thorough examination of China's historical and cultural traditions, the analysis of official speeches and documents, as well as specific practices of cooperation within the framework of peripheral diplomacy. Particular attention is paid to the concept of «qin, cheng, hui, rong», which reflects China's traditional values of trust, harmony, and respect for neighbors. The analysis reveals that China's

peripheral diplomacy is based on a deep understanding of the importance of good-neighborliness, striving to strengthen strategic trust, and develop mutually beneficial economic projects, as well as ensuring inclusive cooperation. China emphasizes that the stability and prosperity of the entire region are impossible without harmonious relations with its neighbors, thereby contributing to integration and collective development. In conclusion, it is argued that the concept of a «community with a shared future» has become the foundation of China's peripheral diplomacy and ensures the sustainable, fair, and peaceful development of its surroundings.

Keywords: peripheral diplomacy, community of common destiny of humanity, community of common destiny of neighboring countries, Belt and Road Initiative, "amity, sincerity, mutual benefit, and inclusiveness" concept

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Ali, G. & Zhu, Z. (Ed.). (2012). China's new diplomacy: Rationale, strategies and significance. *Journal of Chinese Political Science*, 2(1), 445–446.
- Brautigam, D. (2019). Chinese loans and African structural transformation. In *China-Africa and an Economic Transformation* (pp. 129–146). Oxford Scholarship Online. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198830504.003.0007>
- Buzan, B. & Lawson, G. (2015). *The Global Transformation: History, modernity and the making of international relations*. University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139565073>
- Chen Hongjuan & Wu Di. (2024). Development of the "harmony and integration" idea in Chinese culture under the community of shared future. *Journal of Beijing Administration Institute*, 6, 35–42. DOI:10.16365/j.cnki.11-4054/d.20241121.002. (In Chinese)
- Chiyemura, F. & Gambino, E. & Zajontz, T. (2023). Infrastructure and the Politics of African State Agency: Shaping the belt and road initiative in East Africa. *Chinese Political Science Review*, 8(1), 105–131.
- Huntington, S. P. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49. <https://doi.org/10.2307/20045621>
- Johnston, A. I. (1955). *Cultural Realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvzxx9p0.1>
- Li Dan. (2025). Origins, key points and implications of the narrative of a global community of shared future. *Journal of Shanghai Jiao Tong University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 33(02), 1–13. DOI:10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2025.02.001 (In Chinese)
- Li Liwen & Jin Yucan. (2024). ASEAN's hedging strategies amid intensified US-China competition. *Peace and Development*, 6, 150–178, 183. (In Chinese)
- Li Xing. (2023). Peripheral diplomacy and global governance from the perspective of China's major-power diplomacy. *People's Forum Academic Frontier*, 13, 72–77. DOI: 10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2023.13.005 (In Chinese)
- Li Y. & Shapiro, J. (2020). *China Goes Green: Coercive environmentalism for a troubled planet*. Cambridge: Polity Press.
- Li Zhiyong. (2018). The Origins, Nature, and Challenges of China's "Striving for Progress" Diplomacy: From the Perspective of Autonomous Diplomacy Theory. *International Outlook*, 10(02), 70–90. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.201802005 (In Chinese)
- Liu Qing. (2025). Important concepts, characteristics and innovations of China's neighborhood diplomacy in the New Era. *Contemporary World*, 2, 8–15 (In Chinese)
- Lu Guangsheng & Xu Liping. (2015). New concepts and practice of "amity, sincerity, mutual benefit and inclusiveness" in neighborhood diplomacy. *International Relations Studies*, 4, 49–58, 153–154. (In Chinese)
- Luttwak, E. N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, 20, 17–23. <https://www.jstor.org/stable/42894676>

- Mackinder, H. J. (1904). The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*, 23(4), 421–437. <https://doi.org/10.2307/1775498>
- Mahan, A. T. (1890). *The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783*. Boston, MA: Little, Brown and Company.
- Mahbubani, K. (2020). *Has China won? The Chinese challenge to American primacy*. New York: PublicAffairs.
- Mearsheimer, J. (2021). *The tragedy of Great Power Politics*. Shanghai People's Publishing House. (In Chinese)
- Qin Yaqing. (2020). The ideological value and practical significance of the concept of a community with a shared future for mankind. *China Party and Government Cadres Forum*, 9, 6–11. DOI: 10.14117/j.cnki.cn11-3331/d.2020.09.001
- Shahriar, S. (2019). The Belt and Road Initiative: What will China offer the world in its rise? *Asian Journal of Political Science*, 27(1). DOI: 10.1080/02185377.2019.1594324
- Shambaugh, D. (2020). *China and the world*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190062316.001.0001
- Spykman, N. J. (1942). *America's strategy in world politics*. New York, NY: Harcourt, Brace and Company. DOI: 10.4324/9781315082431
- Wang Junsheng. (2016). Building a community of shared destiny with neighbors: Concept, connotation, and path. *International Relations Studies*, 6, 45–58, 151–152. (In Chinese)
- Yang Jiemian. (2023). Xi Jinping's diplomatic thought guides the construction of a new pattern of relations between major powers. *International Studies*, 5, 1–18. (In Chinese)
- Zhang Denghua. (2018). The concept of 'community of common destiny' in China's diplomacy: Meaning, motives and implications. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 5(2), 196–207. DOI: 10.1002/app5.231
- Zhou Fangyin. (2024). New changes in the security situation in China's periphery and the construction of a community of shared future in the surrounding areas. *Contemporary World*, 3, 16–21. (In Chinese)
- Zhou Xiaowen & Luo Zhenglin. (2025). "Amity, sincerity, mutual benefit and inclusiveness" in international communication. *Future Communications*, 32(01), 15–25, 116–117. DOI: 10.13628/j.cnki.zjcmxb.2025.01.011 (In Chinese)
- Zhuang Hongtao. (2022). *Research on the construction of a community of shared future in China's neighborhood* [Unpublished doctoral dissertation]. Lanzhou University. DOI: 10.27204/d.cnki.glzhu.2022.000092 (In Chinese)

Изучение языка политики: отечественный и зарубежный опыт начала XXI века

М.В. ГАВРИЛОВА¹

Санкт-Петербургский государственный институт кино и теле-
видения (Россия)

Аннотация

Актуальность статьи объясняется недостаточной изученностью современного состояния исследований о языке политики в сопоставительном аспекте в синхронном и межкультурном рассмотрении. Цель статьи – сопоставление научных исследований о языке политики, проведенных отечественными и зарубежными лингвистами в последние два десятилетия. Материалом исследования являются публикации в ведущих научных журналах и каталоги издательств научной литературы. Особое внимание уделяется изучению тематики исследований и методам анализа языка политики. Сравнение современного состояния отечественной и зарубежной политической лингвистики позволило выявить общие закономерности развития способов изучения языка политики. Так, исследователи соблюдают парадигмальные установки современной лингвистики, имеют общие представления о материале исследования, единице анализа, номинации объекта изучения, значимости когнитивного подхода, востребованных методиках лингвистического / междисциплинарного анализа политического дискурса. Наблюдаются пересечения тематических областей изучения языка политики. Для номинации объекта исследования используются различные понятия, наиболее частотным из которых в настоящее время является «политический дискурс». Сравнительный анализ российских и зарубежных публикаций о языке политики обнаружил отличия в направлении развития научного поиска. Различия в изучении особенностей политического дискурса наблюдаются в выборе типа политического текста и темы исследования, основного подхода к изучению политического дискурса, ключевых аналитических понятиях, определении тематических границ исследования, (со)авторстве, понимании миссии научной деятельности и в трактовке языка политики. Кроме того, изучение иностранного опыта проведения исследований помогло обнаружить причины сложностей установления научного диалога, положительный исследовательский опыт российских и зарубежных политических лингвистов, а также наметить перспективы совместного изучения политического дискурса.

Ключевые слова

язык политики, политическая коммуникация, политический дискурс, политическая лингвистика, политика, сравнительные исследования

¹ Гаврилова Марина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. 192102, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, 22.
E-mail: politlinguistics@yandex.ru

Для цитирования

Гаврилова М.В. (2025). Изучение языка политики: отечественный и зарубежный опыт начала XXI века. *Управление и политика*. 3(4). С. 47–63. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-47-63

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Научное направление, изучающее взаимовлияние и взаимодействие между языком и политикой, – политическая лингвистика – формируется под влиянием различных факторов в конце 1990-х годов одновременно и в нашей стране, и за рубежом. Возникает необходимость подвести некоторые итоги тридцатилетнего развития дисциплины, сопоставить исследовательский опыт, выявив общие и специфические особенности научного поиска в области изучения языка политики.

Цель статьи – провести обзор и сравнительный анализ научных исследований о языке политики, написанных отечественными и зарубежными лингвистами в последние два десятилетия. Особое внимание уделяется изучению тематики исследований и методам анализа языка политики. Материалом исследования являются публикации в научных журналах «Discourse & Society», «Journal of Language and Politics», «Political Communication», «Issues in Political Discourse Analysis», «Critical Discourse Studies», «CADAAD Journal», а также каталоги издательств научной литературы «John Benjamins Publishing Company», «The Taylor & Francis» и «Sage Publications Inc». Обзор публикаций отечественных лингвистов выполнен на материале публикаций научного журнала «Политическая лингвистика» и каталога научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Анализ материала исследования проводился с применением описательного и сравнительного методов.

Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью современного состояния исследований о языке политики в сопоставительном аспекте в синхронном и межкультурном плане. В данной статье «язык политики» используется как зонтичное понятие, охватывающее вербальную и невербальную коммуникацию о политических институтах и политических процессах, что позволяет объединить различные толкования объекта политической лингвистики.

Тематика и методы отечественных исследований политического дискурса

Анализ показал, что российские политические лингвисты посвящают свои исследования изучению следующих тем:

- средства речевого воздействия в политическом тексте;
- языковая политика;
- коммуникативные стратегии и тактики (дискредитация, отстройка, уклонение от прямого ответа и др.);
- лингвистические аспекты ведения информационной войны;
- образ страны в средствах массовой информации иностранного государства;
- лингвистические средства (вос)создания стереотипов;
- политика и культура: прецедентные средства, экспликация политических идей в художественной литературе;

- трудности перевода политического текста на иностранные языки;
- языковая личность политика;
- политика и идеология: идеологемы и концепты;
- языковые способы манипулирования общественным сознанием;
- дискурсивное конструирование национальной / региональной идентичности;
- язык и право;
- языковые способы выражения политических ценностей;
- языковые изменения в политическом дискурсе;
- жанровая система политического дискурса;
- язык советского периода;
- особенности коммуникативного поведения политиков в цифровой среде.

Представляется, что тематическое своеобразие публикаций российских политических лингвистов обусловлено научным интересом языковеда, ведущей научной парадигмой лингвистического знания и политическими реалиями современности. Интересно, что в последние годы наблюдается усиление научного интереса отечественных лингвистов к изучению политического дискурса на иностранных (английский, французский, немецкий, испанский, китайский, итальянский, арабский и др.) языках. Вместе с тем, мы отмечаем интерес китайских лингвистов к изучению российского политического дискурса, в частности к анализу речей Президента России и сравнительному исследованию выступлений лидеров России и Китая. Добавим, что китайские лингвисты также публикуют статьи на русском языке об особенностях китайского политического дискурса².

Автором научных статей преимущественно является один исследователь, т.е. в отечественной политической лингвистике преобладают индивидуальные изыскания.

Российские исследователи (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, О.И. Воробьева, М.В. Гаврилова, В.З. Демьянков, Н.А. Купина, А.К. Михальская, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Т.В. Юдина и др.), изучают политический дискурс, используя качественные (когнитивный, дискурсивный, семиотический и лингвистический подход), количественные (контент-анализ) и смешанные методы; общенаучные (анализ, синтез, сравнение, моделирование и др.) и частнонаучные методы. Отметим, что изучение сложно устроенного, динамично развивающегося и постоянно изменяющегося объекта (политического дискурса) требует сочетания нескольких исследовательских подходов, что делает его изучение междисциплинарным.

В когнитивном подходе изучается устройство и функционирование знаний, взаимодействие языка, мышления и поведения человека. В определенной мере процесс создания текста зависит от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний. Эту особенность используют для выявления представлений субъекта политического действия о причинах и последствиях политической ситуации, о целях политической деятельности, о системе ценностей и т.п. Кроме того, когнитивный подход позволяет реконструировать ментальные схемы (метафорические модели (Чудинов, Будаев, Солопова, 2020), концепты (Гаврилова, 2004), фреймы (Вашталова, 2009), когнитивные карты и др.) лежащие в основе политического текста. Структура и содержание

² См.: постоянная рубрика «Зарубежный опыт» в журнале «Политическая лингвистика».

этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного коммуникативного взаимодействия участников политического процесса, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных политических институтов и общественных организаций в определенный исторический период, а также строить предсказывающие модели речевого поведения политика и возможные схемы принятия им решений.

В российской политической лингвистике наблюдается значительный интерес к изучению концептуальной метафоры, рассматриваемой как основная ментальная операция, способ мышления, инструмент познания действительности и способ существования в ней. Интерес лингвистов к изучению концептуальной метафоры на материале политического текста обусловлен ее высоким познавательным потенциалом. Так, исследование метафоры как способа осмысления общественно-политической жизни дает важный материал для изучения коллективных ментальных процессов, поскольку метафоры показывают, как картина мира отражается в общественном сознании и какова она. Метафора может выступать показателем социальной напряженности в обществе. Метафоры участвуют в процессе принятия политических решений, так как стимулируют формирование тех возможных вариантов решения задачи, из которых далее производится выбор. Подчеркнем, что метафора – это образ, обладающий большой преобразующей силой, способной изменить индивидуальное и общественное сознание, вот почему метафора играет значимую роль в создании идеологических систем.

В дискурс-анализе политический текст исследуется в связи с общественно-политической ситуацией, в коммуникативной ситуации речевого взаимодействия

с учетом коммуникативных целей участников, политических взглядов и личностных качеств автора, интертекстуальных связей, специфики восприятия текста различными аудиториями. Так, в монографии В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко «История в дискурсе политики: лингвистический образ своих и чужих» выявлены дискурсивные стратегии тенденциозного представления исторического прошлого в целях создания новой государственной идентичности, эскалации длительного политического конфликта и моделирования образа врага (Чернявская, Молодыхенко, 2014).

Семиотический подход рассматривает политический текст как систему знаков (Шейгал, 2004) и применяется, в том числе, к анализу креолизованных (Шустрова, 2014) текстов. Интерес лингвистов к подобным текстам (политический карикатура, плакат, комикс, музыкальный клип, листовка, рекламный ролик, сайт политической организации, сериал, иллюстрация и др.) вызван их огромным воздействующим потенциалом, широким распространением в СМИ, а также ориентацией современного общества на многоканальный способ производства и потребления политической информации. Например, Е.В. Шустрова рассматривает эволюцию вербального и визуального образов Б. Обамы в американской карикатуре, исследуя архетипические образы, прецедентные феномены, культурно обусловленные смыслы и переносные значения слов, участвующие в создании пародийных образов американского президента (Воробьева, 2011).

Российские исследователи изучают язык политики, применяя различные *лингвистические методы* и методики: семантический (Воробьева, 2011), понятийный (Ермаков, Ким и др., 2004), лингвостилистический (Щербак, 2021), риторический (Юдина, 2001), лингвоидеологический

(Романова, 2019), коммуникативный анализ (Руженцева, 2004), реконструкция языковой личности политика (Попова, 2004), анализ жанров политического дискурса (Гаврилова, 2011), методы корпусной лингвистики (Борискина, Шилихина, 2017), психолингвистики и прагмалингвистики, лексикографическое описание (Щетинина, 2018), лингвокультурологический (Патрушева, 2011) анализ.

Лексикографическое описание политического дискурса является важной научной задачей, поскольку словари фиксируют характерные для определенной исторической эпохи словарные значения, объективируя особенности в развитии когнитивной системы представителей определенной национальной культуры.

Примечательно, что конец XX – начало XXI вв. характеризуется «лексикографическим бумом» в описании и фиксации новых реалий политического пространства. В российской политической лексикографии наличествуют авторские словари, терминологические словари, словари неологизмов, словари устаревшей лексики, словари прозвищ, лингвострановедческие словари, словари цитат, тематические, идеографические, исторические, ассоциативные словари, словари профессиональной лексики, словари метафор, фразеологические, словари ярлыков, словари лозунгов, словари сокращений, словари жаргонной лексики.

Завершая обзор публикаций российских лингвистов о языке политики, отметим, что в отечественной политической лингвистике при всем многообразии методов и приемов анализа языка политики наблюдается движение к интеграции исследовательских подходов, позволяющей проводить комплексное разностороннее описание объекта анализа. Примечательно, что продолжается методологический поиск новых способов получения знаний о языке политики.

Тематика и методы зарубежных исследований политического дискурса

Наиболее частотными темами зарубежных лингвистических исследований политического дискурса являются:

- языковые изменения и вариативность в политическом дискурсе: трансформации на лексическом (термины, неологизмы, семантические сдвиги в значении слов), морфологическом, синтаксическом уровнях, а также на уровне текста и дискурса в прагматическом аспекте;
- языковые контакты в политической сфере: процессы заимствования, стилистические сдвиги, смешение кодов, перевод/интерпретация языка политики;
- языковая политика: языковое планирование, языковое многообразие, языковой плюрализм, политика в отношении языков малых народов, политика в области преподавания родного и иностранных языков;
- язык политики и СМИ: дезинформация, активизм, потребление новостей, язык ненависти, лживые новости на различных цифровых платформах; влияние медиа на развитие гражданского общества и демократии.
- язык политических институтов;
- осмысление политических процессов в художественной литературе;
- жанровая система политического дискурса;
- язык и идеология;
- язык предвыборных кампаний;
- язык политики как способ (вос)производства оценок и системы ценностей;

- речевое воздействие политического текста: метафора и политика, риторические средства;
- язык политики во время пандемии COVID-19.

Тематическое своеобразие зарубежных исследований обусловлено научными интересами лингвистов, идеологическими представлениями исследователя и проблемно-ориентированным подходом к выбору темы.

Отметим, что в зарубежных научных статьях преобладает коллективный автор, исследование языка политики проводится научной группой.

В зарубежной лингвистике политический дискурс изучается при помощи качественных и количественных методов. Среди качественных методов наиболее часто используются критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis), анализ политического дискурса (Political Discourse Analysis), методы когнитивной лингвистики (теория концептуальной метафоры, теория фреймов), лексикографическое описание, риторический анализ и др. К количественным методам относятся контент-анализ и инструментарий корпусной лингвистики, где для обработки корпусов политических текстов применяются вероятностные методы и математическая статистика. Рассмотрим некоторые из перечисленных методов.

В *когнитивном подходе* язык неразрывно связан с мыслительными процессами и познавательными деятельностью человека и рассматривается как средство получения, передачи и хранения знаний. Когнитивный анализ политического дискурса осуществляется посредством моделирования ментальных структур: фреймов (Entman, 2004), сценариев, когнитивных карт, концептов, метафорических моделей (Lakoff, 2002), бинарных оппозиций (Chilton, 2004) и др.

Критический *дискурс-анализ* является наиболее распространенным методом изучения политического дискурса в зарубежной лингвистике. Цель критического дискурс-анализа – исследовать, как посредством текста и речи социальное неравенство предписывается, воспроизводится и как оказывается сопротивление неравенству в социальном и политическом контексте (L. Chouliaraki, N. Fairclough, C. Hart, B. Hodge, S. Jäger, M. G. Kress, Krzyzanowski, M. Kranert, D. Machin, M. Reisigl, F. Zappettini, T. van Dijk, T. van Leeuwen, R. Wodak).

На современном этапе развития критического анализа можно выделить несколько исследовательских подходов к изучению языка политики: дискурсивно-исторический, диалектико-реляционный, социокогнитивный и мультимодальный.

Дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach). Создателем метода является исследовательская группа под руководством профессора Ланкастерского университета Рут Водак (Ruth Wodak). Данный метод предоставляет возможность поиска скрытой властной динамики и потенциальных действий социальных и политических агентов, поскольку в ходе исследования применяется принцип триангуляции: исторический – социально-политический – лингвистический подходы. При этом основными аналитическими категориями являются понятия «критика», «дискурс» и «контекст».

Значение политического дискурса создается взаимодействием текстовых и контекстовых структур. Так, исследователи выделили четыре уровня контекста, которые используются для обнаружения дискурсивных практик и стратегий в определенном социально-политическом контексте. Первый уровень контекста – лингвистический (внутритекстовый). Единицей описания является отдельное

высказывание. Предметом исследования являются семантические сдвиги, коннотации, имплицатуры, пресуппозиции, тематическая и синтаксическая связность и пр.). Второй уровень – межтекстовый и междисциплинарный. Ученые изучают интертекстуальные и интердискурсивные отношения между высказываниями, текстами, жанрами и дискурсами. Например, анализируется история развития содержательных форм политических понятий, концептов и их интертекстуальные связи. Третий уровень контекста – экстралингвистический уровень, на котором рассматриваются социальные / социологические переменные и институциональные рамки конкретного «контекста ситуации» (например, формальные характеристики коммуникативного события: место, время, повод, получатели сообщения, политические роли участников, их политические и идеологические взгляды, пол, возраст, уровень образования, национальность, принадлежность к определенной религии и пр.). Четвертый уровень предполагает изучение более широких социально-политических и исторических контекстов, в которые встроены дискурсивные практики (например, история самого дискурсивного события и история развития определенных дискурсивных тем). Анализ уровней контекста позволяет исследователям провести деконструкцию значений, связанных с контекстуальными уровнями и фреймами, которые влияют на восприятие конкретных политических текстов.

В дискурсивно-историческом подходе анализа текста проводится на трех уровнях. Во-первых, выявляется тематическая структура текста. Во-вторых, определяются дискурсивные стратегии, которые содержат пресуппозиции, рассматриваемые как способ стратегически упаковать информацию. В-третьих, анализируются лингвистические средства выражения темы и дискурсивных

стратегий. Отметим, что при изучении текста используются положения лингвистики текста, теории аргументации, риторики и социолингвистики (Reisigl & Wodak, 2001).

В сферу научных интересов группы входит изучение политики правых партий, популизма, политики идентичности, гендера и политик тела, политики памяти, изменения климата, миграции и интеграции, расизма и антисемитизма (Wodak & Rheindorf, 2022).

Диалектико-реляционный подход, автором которого является Норман Фэрклоу (Norman Fairclough), направлен на изучение отношений, складывающихся между текстом, социальным взаимодействием и контекстом.

Н. Фэрклоу подчеркивает значимость изучения текстового уровня в дискурс-анализе и политическом анализе, критикуя то недостаточное внимание, которое уделяется анализу политического текста в социальных науках, несмотря на «лингвистический поворот».

Основными аналитическими категориями данного подхода являются понятия «коммуникативное событие», «порядок дискурса» и «социальный порядок». Для анализа политического дискурса предлагается трехмерная модель, первым измерением которого является «текст», представленный устным и письменным текстом, визуальным изображением или их сочетанием. Первый этап предполагает лингвистическое описание формальных характеристик текста. Второе измерение относится к дискурсивной практике, включающей процессы производства и восприятия текстов, которые изучаются путем интерпретации отношений между текстом и участниками социального взаимодействия. Третье измерение рассматривает социальную практику как широкий социокультурный процесс, в котором происходит коммуникативное

событие, и объясняет особенности взаимодействия в социальном контексте (Fairclough, 1989).

В рамках данного подхода изучается взаимодействие между дискурсом, властью и идеологией преимущественно на материале дискурса нового капитализма, неолиберализма, экономических кризисов, потребительской культуры (consumer culture discourse) (Fairclough, 2000; Fairclough, 2006) и др.

Социокогнитивный подход (Socio-Cognitive Approach). Автором данного метода является Тен ван Дейк (Teun van Dijk), ограничивший свои исследования теоретическим треугольником «дискурс – познание – общество».

Значение дискурса создается взаимодействием текстовых структур и контекста, в котором они употребляются. Поэтому необходимо выяснить обстоятельства, в которых происходит коммуникативное событие, и определить их отношение (значимость) к структуре текста.

Т. ван Дейком определяет контекст как ментально представленную структуру тех свойств (особенностей) социальной ситуации, которая уместна для производства или понимания дискурса. Контекст содержит следующие категории: 1. общее определение ситуации; 2. обстановка (время, место события); 3. действующие акторы (включая дискурсы и дискурсивные типы); 4. участники, выступающие в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях; 5. ментальные представления участников (абстрактные знания о событии, личное знание (опыт участия в подобном мероприятии), коммуникативная цель, социальная роль, приверженность определенной идеологии, задачи общественной группы или политической партии, в которой состоит участник; его личный интерес) (Van Dijk, 1998).

Изучение текстовой структуры может включать построение глобальной семантической структуры, анализ фонетических/лексических/морфологических особенностей речи, синтаксических структур, связности дискурса, приемов аргументации, риторических средств, графических и визуальных средств, специфики коммуникативного взаимодействия, композиционных схем и других уместных для анализа дискурсивных категорий, что позволит выявить уникальные особенности политического дискурса, а также сделать вывод о когнитивной, социальной и особенно политической функциях дискурса (Дейк, 2013).

Основной темой социокогнитивных исследований является изучение расизма, этнического неравенства, стереотипов восприятия угнетенных групп (Van Dijk, 2000; Van Dijk, 2021).

Мультимодальный анализ (Multimodal Critical Discourse Analysis). Это форма критического лингвистического исследования текстов визуальной коммуникации, основанная на теоретических положениях социальной семиотики (Van Leeuwen, 2005). Материалом анализа являются преимущественно мультимодальные тексты, т.е. «тексты, чьи значения реализуются более чем одним семиотическим кодом» (Kress & van Leeuwen, 1996). Как правило, это вербальный, визуальный и звуковой коды. При этом изучению визуального и звукового кодов уделяется особое внимание, учитывая их важность в социальной коммуникации современного общества.

Цель мультимодального анализа состоит в изучении того, как нелингвистические средства используются для передачи идей, ценностей и идентичностей в обществе (Machin, Mayr, 2012). Категориями анализа являются четыре разновидности семиотических ресурсов: ритм, композиция, связность информации и диалог.

Завершая краткий обзор критического дискурс-анализа, нужно отметить, что результатом многих исследований является вывод о положительном самопредставлении доминирующей внутренней группы (ingroup) и отрицательном представлении других внешних, испытывающих влияние групп (outgroups). Поляризация Нас и Их, характеризующая разделяемые социальные представления и их основные идеологии, выражается и воспроизводится на всех уровнях текста и речи, например, в противопоставлении тем, конкретным лексическим значениям, номинациям представителей групп, метафорах и гиперболах, в композиционной организации текста, синтаксических формах, звуковых структурах и аргументативных схемах.

Следует отметить, что в зарубежных академических кругах высказываются мнения против широкого применения критического подхода при изучении политического дискурса. Во-первых, лингвистов обвиняют в пристрастной идеологической позиции, в вовлеченности в социальные движения и политическую борьбу, когда процедура анализа заключается лишь в подтверждении предполагаемой предвзятости мнений, выраженной в тексте.

Во-вторых, стремление объединить множество различных исследовательских традиций нередко приводит к противоречивым методологическим суждениям, методической неряшливости, что вызывает сомнение в релевантности результатов исследования политического дискурса.

В-третьих, направленность научной деятельности на изучение только отрицательных сторон общественно-политической жизни. Если критический дискурс-анализ призван привести к социальным изменениям, он должен принимать во внимание дискурс, «который вдохновляет, ободряет; дискурс, который

нам нравится, который подбадривает нас, а не только то, что нам не нравится» (Martin, 1999). Иными словами, наряду с критическим дискурс-анализом нужен позитивный дискурс-анализ.

Отечественные и зарубежные исследования языка политики: общие и различные черты

Сравнение современного состояния отечественной и зарубежной политической лингвистики позволило выявить схожие научные представления о путях изучения языка политики. Так, исследователи соблюдают парадигмальные установки современной лингвистики, имеют общие представления о материале исследования, единице анализа, номинации объекта изучения, значимости когнитивного подхода, востребованных методиках лингвистического / междисциплинарного анализа политического дискурса. Наблюдаются пересечения тематических областей изучения языка политики. Для номинации объекта исследования используются различные понятия, наиболее частотным из которых в настоящее время является «политический дискурс». Рассмотрим перечисленные признаки подробнее.

Изучение языка политики осуществляется согласно основным параметрам современной парадигмы науки о языке: экспансионизм (усложнение и расширение пределов и интересов лингвистики, поиск новых подходов к изучаемому объекту), экспланаторность (стремление объяснить языковой факт), антропоцентризм (ориентация на человеческий фактор в языке), неофункционализм (язык как способ познания и описания действительности реализует свои функции в речевом действии) (Кубрякова, 1995).

Наблюдается процесс укрупнения единицы анализа: переход от минимальных

языковых единиц к тексту (дискурсу), рассматриваемому в широком контексте с учетом прагматического фактора.

Добавим, что происходит изменение предпочтений в выборе материала исследования. Цифровые медиа как новые источники политической информации смещают внимание лингвистов к изучению мультимодальных текстов, в которых различные каналы передачи информации становятся более интегрированными, и визуальные элементы используются для передачи сложных для понимания идей и мнений.

Лингвистические исследования политического дискурса тематически пересекаются в трех научных направлениях: 1. политология, 2. теория массовой коммуникации, теория и практика массовой информации; 3. филология (лингвистика, литературоведение, теория перевода, текстология). Мы выяснили, что и отечественные, и зарубежные политические языковеды изучают трудности и идеологические аспекты перевода на иностранные языки выступлений политиков; лексические изменения и языковую вариативность в политическом дискурсе; особенности проведения предвыборных кампаний / коммуникативного взаимодействия политиков и граждан в цифровой среде; новые интернет жанры политической коммуникации; воплощение политических идей в художественном тексте; особенности коммуникативного взаимодействия власти и общества в период пандемии COVID 19; средства речевого воздействия в политическом тексте. Отметим, что степень разработанности общих тем в отечественной и зарубежной лингвистике различна.

В последнее десятилетие преобладает обозначение объекта исследования понятием «политический дискурс», имеющего разный объем и содержание в различных научных дисциплинах и школах.

Общепринятого определения языка политики пока не существует. Однако исследователи сходятся во мнении, что язык политики может рассматриваться как форма политического действия.

В ходе анализа политического дискурса российские и зарубежные исследователи привлекают лингвистические методики прагмалингвистики, социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, корпусной лингвистики, риторики, теории дискурса, теории аргументации, теории речевых жанров. Кроме того, при проведении междисциплинарного исследования применяются теоретические положения и методы политологии, социологии, истории, культурологии, социальной и политической психологии, когнитологии, теории массовой коммуникации.

Сравнительный анализ российских и зарубежных публикаций о языке политики обнаружил и отличия в направлении развития научного поиска. Различия в изучении особенностей политического дискурса наблюдаются в выборе типа политического текста и темы исследования, основного подхода к изучению политического дискурса, ключевых аналитических понятиях, определении тематических границ исследования, (со)авторстве, понимании миссии научной деятельности и в трактовке языка политики (Таблица 1).

В настоящее время продолжается процесс становления терминологического аппарата политической лингвистики. Для обозначения объекта исследования применяются различные наименования. Так, в зарубежной науке употребляются понятия: *political communication* (политическая коммуникация), *political discourse* (политический дискурс), *political language* (политический язык), *language of politics* (язык политики), *language of politicians* (язык политиков), *language in politics* (язык в политике), *act of talking politics* (речевой

акт говорения о политике). В российской лингвистике для обозначения объекта исследования могут использоваться следующие обозначения: политический дискурс, общественно-политическая речь, агитационно-политическая речь, язык общественной мысли, политический язык, язык политики, политическая коммуникация.

Зарубежные лингвисты выполняют исследования политического дискурса предпочтительно на материале корпусов текстовых данных и мультимодальных текстов. Российские лингвисты в основном анализируют отдельные письменные и устные политические тексты. Отметим интерес западных коллег к изучению парламентской речи, а также к выявлению идеологических взглядов, представленных в сфере образования, в произведениях массовой и популярной культуры, а также в предметах повседневного обихода (детских игрушках и пр.).

Различия наблюдаются в основном подходе к анализу политического дискурса. Зарубежные исследователи широко применяют критический подход, анализируя «власть», «господство», «гегемонию», «идеологию», «класс», «расу», «гендер», «идентичность» в качестве дискурсивных конструкторов. Российские лингвисты преимущественно используют когнитивно-дискурсивный подход, исследуя концепты, концептуальную метафору, систему аргументации, речевые средства убеждения, экспликацию политических ценностей, репрезентацию представлений о политических субъектах в когнитивном аспекте.

Основные аналитические категории позволяют определить тематические границы исследований. Зарубежные языковеды рассматривают взаимодействие языка, власти и идеологии. Российские лингвисты изучают связи между языком, политикой и обществом.

Мы обратили внимание на требование к выбору темы исследования в зарубежных научных журналах. Изучение языка политики предусматривает проблемно-ориентированный подход, т.е. в исследовании должна рассматриваться общественно значимая проблема (дискриминация, колониализм, популизм, национализм, экстремизм, миграция, гендерное равенство, климат, конфликт, протест и сопротивление, норма и нормальность, кризис, наблюдение, границы, цифровой активизм и др.) в междисциплинарном аспекте. Выбор темы исследования в российской лингвистике может определяться научными интересами языковеда, ведущей научной парадигмой лингвистического знания и актуальной ситуацией во внутренней и внешней политике страны.

В иностранных научных журналах авторами статей часто являются научные группы, российские лингвисты предпочитают проводить исследования индивидуально.

Зарубежные исследователи нередко понимают научную деятельность как важный элемент активной общественной деятельности, открыто выражая свои идеологические взгляды в научных публикациях, которые должны способствовать социальным изменениям. Российские лингвисты, как правило, выбирают позицию наблюдателя, собирателя и толкователя языковых фактов, отображающих политические реалии времени.

Подводя итоги, представим основные взгляды на язык политики в начале XXI века. В зарубежной лингвистике язык политики может пониматься как: 1) средство выражения властных отношений (доминирование, господство и дискриминация), 2) инструмент социального контроля и власти над обществом, 3) форма политического действия, 4) социальная практика, определяемая социальными структурами, 5) средство репрезентации

социальных групп и общественно-политических событий. Российские языковеды рассматривают язык политики как 1) форму политического действия, 2) инструмент борьбы за власть, 3) средство речевого воздействия, 4) средство манипулирования общественным сознанием, 5) часть русского языкового сознания.

Таким образом, усилия лингвистов направлены на познание языковых средств,

способных дискурсивно конструировать представления о социальных группах, (вос)производить властные отношения в обществе, и эффективно воздействовать на сознание аудитории, убеждая ее в истинности описанной политиком картины мира. В настоящее время критические и когнитивные объяснения этим свойствам языка политики считаются наиболее убедительными.

Таблица 1.

Сравнение отечественных и зарубежных исследований языка политики

Параметр сравнения	Зарубежное исследование	Российское исследование
Материал исследования	Корпусы текстовых данных, мультимедийные тексты	Отдельные письменные и устные политические тексты
Основной подход	Критический	Описательный (когнитивно-дискурсивный)
Ключевое аналитическое понятие	Власть, господство, гегемония, идеология, класс, раса, пол, идентичность	Концепт, концептуальная метафора, система аргументации, речевые средства убеждения, коммуникативные стратегии и тактики, репрезентация
Тематическая граница исследований	Язык – власть – идеология	Язык – политика – общество
Выбор темы исследования	Проблемно-ориентированный подход	Научные интересы исследователя, ведущая научная парадигма лингвистического знания и актуальная политическая ситуация
Автор журнальных статей	Научные группы	Индивидуальные исследователи
Научная деятельность	Исследование как продолжение активной общественной деятельности	Языковед как наблюдатель, собиратель и толкователь языковых фактов о политических реалиях времени
Трактовка языка политики	Язык политики как средство выражения властных отношений. Язык политики как инструмент социального контроля и власти над обществом. Язык политики как форма политического действия. Язык политики как социальная практика, определяемая социальными структурами. Язык политики как средство репрезентации социальных групп и общественно-политических событий	Язык политики как форма политического действия. Язык политики как инструмент борьбы за власть. Язык политики как средство речевого воздействия Язык как средство манипулирования общественным сознанием. Язык политики как часть русского языкового сознания

Table 1. Comparison of Russian and foreign studies of the language of politics.

Трудности установления и важность развития научного диалога

Представляется, что установлению научного диалога между отечественными и зарубежными политическими лингвистами мешает диктат критических подходов, незначительная вовлеченность

российских ученых в международный научный диалог, идеологическая пристрастность к публикациям о политической жизни России, проблемно-ориентированный подход к выбору темы исследования и отсутствие заинтересованности в изучении русского (созданного на русском языке) политического дискурса у европейских и американских лингвистов.

Примечательно, что частотные для образовательной и научной сферы понятия «вовлечение» (inclusion) и «разнообразие» (diversity) используются выборочно. Мы наблюдаем доминирование критических исследований в зарубежных научных журналах. Чтобы иностранному (российскому) лингвисту опубликовать статью, необходимо использовать зарубежный (преимущественно критический) методический инструментарий. Подобная ситуация наблюдается не только в изучении политического языка, но и шире в коммуникативных исследованиях. Вот почему представители научной общест-венности Глобального Юга предлагают бросить вызов западнцентристской предвзятости в научных публикациях, принимать во внимание национальные и региональные научные школы в целях развития более инклюзивной и деколонизированной науки будущего.

Развитию межкультурного сотрудничества в научной сфере мешает идеологически и политически пристрастное отношение к публикациям о российской политической жизни, которую необходимо обличать. Результаты научного исследования должны подтверждать и укреплять в академическом сообществе отрицательное представление о политике России.

Сотрудничество затрудняет проблемно-ориентированный подход к выбору темы. Поскольку критические исследования направлены на решение социальных проблем, материалом анализа выступают ситуации коммуникативного неравенства. Данное требование ограничивает направление научного поиска лингвиста и формирует стереотипные исследовательские построения. Если изучать парламентские дебаты, то обязательно нужно анализировать аргументативные схемы. На материале дискурса СМИ исследуется репрезентация социально

угнетенных групп. Популизм объединен с эмоциями и поляризацией. Производство и потребление новостей связано с дезинформацией, непроверенными источниками информации, ложными новостями (fake news) и т.д.

Широкое распространение английского языка в качестве средства международного (в том числе научного) общения привело к ослаблению влияния других мировых языков. Мы обратили внимание на то, что в ведущих американских и европейских журналах о русском политическом дискурсе в подавляющем большинстве случаев пишут российские исследователи, работающие в зарубежных вузах. Такая ситуация является сдерживающим фактором развития международного сотрудничества, предполагающего интерес к изучению культуры и языка других стран.

Несмотря на указанные сложности ведения научного диалога важно определить тот положительный опыт, который стороны могут заимствовать друг от друга. Полагаем, что российским политическим лингвистам следует осмыслить зарубежный опыт создания баз данных политических текстов, различных типов словарей языка политики, в том числе в электронном виде; расширить границы лингвистического исследования путем изучения языковых средств выражения идеологических представлений в различных сферах общественной жизни.

Зарубежные исследователи могли бы обогатить свой научный инструментарий знакомством с отечественными методиками изучения политических концептов, стилистическим анализом текста, лингвоидеологическим анализом и т.п. Большой познавательный потенциал российской политической лингвистики обусловлен многообразием лингвистических методов исследования политического дискурса.

Российские и зарубежные исследователи могут объединить усилия для решения важной научной цели – восполнить пробел между лингвистическими анали-

зом и различными методами изучения языка политики в гуманитарных и социальных науках.

Received: August 25, 2025

Accepted: September 27, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-47-63

UDC: 32

Political Science / Research article

ANALYSIS OF THE LANGUAGE OF POLITICS: RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCHES AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Marina V. Gavrilova, Doctor of Philology, Professor,
Saint-Petersburg State University of Film and Television.
St. Bukharetskaya, 22, St. Petersburg, Russia, 192102.
E-mail: politlinguistics@yandex.ru

Abstract: The relevance of the study is explained by the insufficient knowledge of the current state of research on the language of politics in a comparative perspective in synchronous and intercultural aspects. The purpose of the article is to conduct a review and comparative analysis of researches on the language of politics written by domestic and foreign linguists during the last two decades. The research is based on publications in leading academic journals and catalogs of scientific publishing houses. Particular attention is paid to the examination of topics and methods of analyzing the language of politics. Comparison of the current state of domestic and foreign political linguistics has made it possible to identify general patterns in the development of political linguistics. Thus, researchers respect the paradigmatic principles of modern linguistics, have a profound understanding of the research material, the unit of analysis, the nomination of the object of study, the significance of the cognitive approach, and the popular methods of linguistic / interdisciplinary analysis of political discourse. There are overlaps between thematic areas. To nominate the object of research, various concepts are used, the most common of which is currently "political discourse". A comparative analysis of Russian and foreign publications on the language of politics revealed differences in the elaboration of political linguistics. It was found that there are distinctions in the choice of the type of political text and research topic, the main approach to the study of political discourse, key analytical concepts, determination of the thematic boundaries of the research, (co)authorship, mission of scientific activity and the interpretation of the language of politics. In addition, the review of foreign experience in conducting linguistic research helped to discover the reasons for the obstacles in establishing scientific dialogue, the positive experience of Russian and foreign political linguists, and also to outline prospects for the joint study of political discourse.

Keywords: language of politics, political communication, political discourse, political linguistics, politics, comparative studies

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Entman, R.M. (2004). *Projections of Power. Framing news, public opinion, and U.S. foreign policy*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London and New York: Routledge.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London: Longman.
- Fairclough, N. (2000). *New Labour, New Language?* London: Routledge.
- Hammond, P. (2007). *Framing post-Cold War conflicts. The media and international intervention*. Manchester University Press.
- Kress, G. & van Leeuwen, T. (1996). *Reading Images: The grammar of visual design*. London: Routledge.
- Lakoff, G. (2002). *Moral Politics: how Liberals and Conservatives think*. Chicago: University of Chicago Press.
- Machin, D. & Mayr, A. (2012). *How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction*. SAGE.
- Martin, J.R. (1999). Grace: the Logogenesis of Freedom. *Discourse Studies*, 1, 29–56.
- Metaphorical World Politics*. (2004). Ed. by F.A. Beer and C. De Landtsheer. East Lansing: Michigan State University Press.
- Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis: discourse and scenarios*. London: Bloomsbury Academic.
- Reisigl, M. & Wodak, R. (2001). *Discourse and Discrimination: Rhetorics of racism and anti-semitism*. London: Routledge.
- Van Dijk, T.A. (2021). *Antiracist Discourse. Theory and History of a Macromovement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Dijk, T.A. (1998). *Ideology. A multidisciplinary study*. London.
- Van Dijk, T.A. (2000). *Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in six European States*. Klagenfurt: Drava Verlag.
- Van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. L., NY: Routledge.
- Wodak, R. & Rheindorf, M. (2022). *Identity Politics Past and Present. Political Discourses from Post-War Austria to the Covid Crisis*. University of Exeter Press.
- Boriskina, O.O., Shilihina, K.M. (2017). Korpusnye issledovanija politicheskogo diskursa v lingvistike [Corpus studies of political discourse in linguistics]. *Politicheskaja nauka*, 2, 30–53. (In Russian)
- Chernjanskaja, V.E., Molodychenko, E.N. (2014). *Istorija v diskurse politiki: lingvisticheskij obraz svoih i chuzhix* [History in the discourse of politics: the linguistic image of us and them]. Moscow: URSS. 194 p. (In Russian)
- Chudinov, A.P., Budaev, E.V., Solopova, O.A. (2020). *Politicheskaja metaforologija: Diskursivnyj povorot* [Political metaphorology: The discursive turn]. Moscow: Flinta. 234 p. (In Russian)
- Dijk, T.A. van. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 344 p. (In Russian)
- Ermakov, S.V., Kim, I.E., Mihajlova, T.V., Osetrova, E.V., Suhvol'skij, V.G. (2004). *Vlast' v ruskoj jazykovoj i etnicheskoj kartine mira* [Power in the Russian linguistic and ethnic worldview]. Ed. by I.E. Kim, E.V. Osetrova. Moscow: Znak. 408 p. (In Russian)
- Gavrilova, M.V. (2004). *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoj rechi (na materiale vystupenij V.V. Putina i B.N. El'cina)* [Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (based on the speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin)]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU. 295 p. (In Russian)

Gavrilova, M.V. (2011). *Analiz programm rossijskikh politicheskikh partij nachala XX i XXI vekov (lingvisticheskij aspekt)* [Analysis of the programs of Russian political parties of the early 20th and 21st centuries (linguistic aspect)]. Saint Petersburg: Izd-vo Nevskogo in-ta jazyka i kul'tury. 244 p. (In Russian)

Judina, T.V. (2001). *Teorija obshhestvenno-politicheskoy rechi* [Theory of socio-political speech]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 160 p. (In Russian)

Kubryakova, E.S. (1995). Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigm'nogo analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (an experience of paradigmatic analysis)]. In: Stepanov, Ju.S. (Ed.). *Jazyk i nauka konca XX veka*. Moscow: Rossijskij gos. un-t: 144–238. (In Russian)

Patrusheva, E.V. (2011). *Lingvokul'turologicheskij i funkcional'no-pragmaticheskij aspekty aforizmov v politicheskom diskurse: na materiale publichnyh vystuplenij V.V. Putina i Dzh. Busha ml.* [Linguoculturological and functional-pragmatic aspects of aphorisms in political discourse: based on the public speeches of V.V. Putin and G.W. Bush]. Cand. philol. sci. diss. Stavropol'. 214 p. (In Russian)

Popova, O.V. (2004). *Jazykovaja lichnost' Ivana Groznogo: na materiale delovyh poslanij* [The linguistic personality of Ivan the Terrible: based on official messages]. Cand. philol. sci. diss. Omsk. 177 p. (In Russian)

Romanova, T.V. (2019). *Ideologemy i aksiologemy russkogo jazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki nacional'noj mental'nosti* [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of the constants and dynamics of national mentality]. Nizhnij Novgorod: DEKOM. 120 p. (In Russian)

Ruzhenceva, N.B. (2004). *Diskreditirujushhie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. 294 p. (In Russian)

Shejgal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis. 324 p. (In Russian)

Shherbak, I.V. (2021). *Lingvostilisticheskie sredstva realizacii pragmaticheskogo potentsiala publichnyh voenno-politicheskikh rechej* [Linguostylistic means of realizing the pragmatic potential of public military-political speeches]. Cand. philol. sci. diss. Moscow. 186 p. (In Russian)

Shhetinina, A.V. (2018). *Ideograficheskij slovar' russkoj social'noj leksiki: gosudarstvo, vlast', vnutrennjaja politika* [Ideographic dictionary of Russian social vocabulary: state, power, domestic policy]. Ekaterinburg: Azhur. 767 p. (In Russian)

Shustrova, E.V. (2014). *Barak Obama i sovremennaja amerikanskaja karikatura* [Barack Obama and modern American caricature]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU. 369 p. (In Russian)

Vashtalova, Yu.S. (2009). *Ritoricheskie osobennosti amerikanskogo politicheskogo diskursa: kognitivno-semanticheskij aspekt: na materiale rechej politicheskikh liderov SSHA* [Rhetorical features of American political discourse: cognitive-semantic aspect: based on the speeches of US political leaders]. Cand. philol. sci. diss. Saint Petersburg. 204 p. (In Russian)

Vorob'eva, O.I. (2011). *Politicheskaja lingvistika: politicheskij jazyk kak sfera social'noj kommunikacii* [Political linguistics: political language as a sphere of social communication]. Moscow: IKAR. 295 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Борискина О.О., Шилихина К.М. (2017). Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике. *Политическая наука*. № 2. С. 30–53.

Вашталова Ю.С. (2009). *Риторические особенности американского политического дискурса: когнитивно-семантический аспект: на материале речей политических лидеров США*: Дис ... канд. филол. наук: Санкт-Петербург. 204 с.

Воробьева О.И. (2011). *Политическая лингвистика: политический язык как сфера социальной коммуникации*. Москва: ИКАР. 295 с.

Гаврилова М.В. (2011). *Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект)*. СПб.: Из-во Невского ин-та языка и культуры. 244 с.

Гаврилова М.В. (2004). *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина)*. СПб.: Изд-во СПбГУ. 295 с.

Дейк Т. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникацию*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 344 с.

Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. (2004). *Власть в русской языковой и этнической картине мира*. Отв. ред. И.Е. Ким, Е.В. Осетрова. Москва: Знак. 408 с.

Кубрякова Е.С. (1995). Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). *Язык и наука конца XX века*. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Российский гос. ун-т: 144–238.

Патрушева Е.В. (2011). *Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе : на материале публичных выступлений В.В. Путина и Дж. Буша мл.*: Дис. ... канд. филол. наук: Ставрополь. 214 с.

Попова О.В. (2004). *Языковая личность Ивана Грозного: на материале деловых посланий*: Дис. ... канд. филол. наук: Омск. 177 с.

Романова Т.В. (2019). *Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности*. Нижний Новгород: ДЕКОМ. 120 с.

Руженцева Н.Б. (2004). *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 294 с.

Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. (2014). *История в дискурсе политики: лингвистический образ своих и чужих*. М.: УРСС. 194 с.

Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. (2020). *Политическая метафорология: Дискурсивный поворот*. М.: Флинта. 234 с.

Шейгал Е.И. (2004). *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис. 324 с.

Шустрова Е.В. (2014). *Барак Обама и современная американская карикатура*. Екатеринбург, Изд-во УрГПУ. 369 с.

Щербак И.В. (2021). *Лингвостилистические средства реализации прагматического потенциала публичных военно-политических речей*: Дис... канд. филол. наук: Москва. 186 с.

Щетинина А.В. (2018). *Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика*. Екатеринбург: Ажур. 767 с.

Юдина Т.В. (2001). *Теория общественно-политической речи*. М.: Изд-во Моск. ун-та. 160 с.

Становление социального контракта как нового инструмента государственной социальной помощи малоимущим гражданам: ключевые последствия

К.А. МОРДАШОВ¹

Славяно-Греко-Латинская Академия (Россия)

Аннотация

Государственная социальная помощь является одним из основных направлений реализации социальной политики государства, а также одним из основных инструментов улучшения качества жизни социально незащищенных слоев населения. Уникальным инструментом государственной социальной помощи является социальный контракт как единственный возмездный способ получения социальной помощи, накладывающий обязательства в том числе и на ее адресата. В связи с этим, с учетом прямой зависимости между социально-экономической ситуацией в Российской Федерации и развитием законодательства, регулирующего вопросы государственной социальной помощи, особенно в случае финансово-экономического кризиса, представляют интерес конкретные обстоятельства и причины, способствующие включению социального контракта в данное законодательство на федеральном уровне. Тема исторического развития социального контракта уже была рассмотрена в соответствующей научной литературе, однако попыток увязать это историческое развитие с общими историческими процессами, происходящими в Российской Федерации, до этого не предпринималось. В связи с этим будет целесообразно воспользоваться изучением первоисточников в виде законодательных актов, а также историческим анализом. Также стоит учитывать, что обязательства адресата помощи по социальному контракту могут быть реализованы несколькими способами, так же, как и финансовые обязательства органа социальной защиты, с которым был заключен контракт, так как они могут быть исполнены в нескольких формах. В связи с этим возникает необходимость оценки результатов применения социальных контрактов как инструментов социальной помощи с позиции наиболее распространенных способов исполнения обязательств среди малоимущих граждан, охваченных социальным контрактом, а также наиболее часто применяемых способов реализации обязательств финансового характера со стороны органа социальной защиты. Основным методом для исследования данного вопроса будет агрегация государственной статистики, а также анализ научной литературы на данную тему.

Ключевые слова

социальный контракт, социальная адаптация, государственная социальная помощь, малоимущие, социальная политика

¹ Мордашов Кирилл Алексеевич – аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Славяно-Греко-Латинская Академия». 105005, Москва, ул. Радио, д. 20. E-mail: kamordashov@edu.hse.ru

Для цитирования

Мордашов К.А. (2025). Становление социального контракта как нового инструмента государственной социальной помощи малоимущим гражданам: ключевые последствия. *Управление и политика*. 3(4). С. 64–73. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-64-73

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

17 августа 1998 г. Правительство Российской Федерации и Банк России официально заявили, что в целях нормализации фискальной и финансовой политики будет введен «комплекс мер», включающий в себя мораторий на выплату основных видов государственных долговых обязательств (т.е. дефолт) и переход от политики валютного коридора к политике плавающего курса рубля (т.е. девальвация). Девальвация привела к значительному росту инфляции (в 1998 г. темп прироста индекса потребительских цен составил 84,4% (Шварева, 2003, с. 73)), и такое снижение покупательской способности рубля привело к снижению реальных доходов населения и предприятий, а также обесцениванию рублевых вкладов и прекращению торгов на рынке государственных ценных бумаг. К тому же, из-за дефолта по внутреннему долгу у частных банков также не хватало резервов, чтобы выплачивать проценты по вкладам физических и юридических лиц, из-за чего за год после объявления дефолта более 180 банков были лишены лицензии и закрыты. В результате всего вышеперечисленного доходы предприятий падали, и юридические лица, в худшем случае, закрывались, оставляя сотрудников без работы, или, в лучшем случае, задерживали выплату сотрудникам зара-

ботной платы. Эти обстоятельства вызвали рост доли населения с доходами ниже черты бедности – в 1998 г. она составила 24%, а в 1999 г. – 30%². В таких условиях вопрос о социальной поддержке населения в целом и малоимущих граждан в частности приобрел особую актуальность. В связи с этим в целях обеспечения законодательной базы такой поддержки 17 июля 1999 г. Президент РФ подписал Федеральный закон №178-ФЗ «О государственной социальной помощи», до этого принятый Государственной Думой 25 июня и одобренный Советом Федерации 2 июля. В этом законе были обозначены правовые и организационные основы системы государственной социальной помощи: законодательство, посвященное этому вопросу, полномочия Российской Федерации в области оказания социальной помощи, ее источники, получатели, период оказания, порядок назначения, основания для отказа или прекращения оказания социальной помощи, ее виды и даже способ определения размера социальной помощи. На момент принятия закона в нем содержались всего две группы инструментов социальной помощи – во-первых, денежные выплаты (которые на тот момент включали в себя такие инструменты, как социальные пособия, субсидии, компенсации и другие выплаты),

² Сколько бедных было в 90-е годы? //Демоскоп Weekly. № 11-12. 12-25.03.2001. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/011/tema02.php> (дата обращения: 08.06.2025).

во-вторых, натуральная помощь (в виде топлива, продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов и т.д.)³.

Однако впоследствии в Федеральный закон от 17.07.1999 №178-ФЗ «О государственной социальной помощи» был внесен ряд законодательных изменений, в т.ч. добавлены новые инструменты социальной помощи. Одним из таких инструментов стал т.н. социальный контракт.

Цель данного исследования заключается в анализе основных этапов применения социального контракта в Российской Федерации на федеральном уровне с целью определения общественно-экономических предпосылок каждого из этапов, а также оценке эффектов от применения социального контракта на долгосрочной перспективе. Для этого будут применяться такие инструменты, как анализ источников и литературы, сравнительный анализ.

Определение социального контракта и его включение в федеральное законодательство

Под термином «социальный контракт» подразумевается соглашение между гражданином, нуждающимся в социальной помощи, и органом, предоставляющим населению такую помощь. Условия такого соглашения сводятся к тому, что вышеуказанный орган предоставляет гражданину социальную помощь в денежном или материальном виде, а гражданин – выполняет действия, тем или иным образом способствующие улучшению его

финансового положения. С.В. Калашников, В.Е. Татаринцев и А.П. Храпылина отметили, что основное отличие социального контракта от остальных на данный момент упомянутых в Федеральном законе №178-ФЗ инструментов социальной помощи заключается в возмездном характере предоставления гражданину этой помощи (Калашников, Татаринцев, Храпылина, 2017, с. 93), т.е. заключение такого контракта накладывает обязательства не только на орган социальной защиты, но и на самого гражданина. По мнению отдельных экспертов, социальный контракт, в отличие от пособий, направлен на переход граждан, нуждающихся в социальной помощи, на самообеспечение (Хохлова, 2022, с. 331) и повышение их экономической активности (Гончарук, 2012, с. 71).

Понятие «социальный контракт» впервые появилось в федеральном законодательстве в конце 2008 г., в разделе 6 Распоряжения Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 г. и перечня проектов по их реализации», согласно которому планировалось внедрить систему социальных контрактов в рамках развития механизмов адресной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации⁴. По словам А.Н. Пономаревой, бывшего первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике и здравоохранению, необходимость во внедрении системы социальных контрактов была

³ Федеральный закон от 17.07.1999 №178-ФЗ «О государственной социальной помощи». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102061042> (дата обращения: 08.06.2025)

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102133515&backlink=1&nd=102125710> (дата обращения: 08.06.2025)

обусловлена тем, что на тот момент оказание адресной социальной помощи в большинстве случаев ограничивалось выплатой пособий, которые скорее временно облегчали положение нуждающихся, чем способствовали «поиску выхода из трудной жизненной ситуации» (Пономарева, 2010, с. 3). Другим фактором, способствующим принятию решения о внедрении социального контракта на федеральном уровне, можно назвать происходивший в то время в России экономический кризис, вызванный мировым финансовым кризисом 2008 г. В пользу этого говорят два факта. Во-первых, в пункт 2.1. документа «Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 год», одобренном Правительством РФ 30.12.2009 г. (т.е. после, по словам В.В. Путина, «активной фазы российского экономического кризиса»⁵) в качестве одной из мер, направленных на обеспечение полноценной социальной защиты населения, названо внедрение системы социальных контрактов (Пономарева, 2010, с. 3) (там также используется термин «договоры социальной адаптации»)⁶. Во-вторых, менее чем через месяц, 27 января 2010 г., Президент Российской

Федерации Д.А. Медведев дал Председателю Правительства поручение № Пр-192, в котором уже содержались конкретные шаги, направленные на вышеупомянутое внедрение системы социальных контрактов: провести в отдельных субъектах РФ эксперимент по включению социальных контрактов в число инструментов государственной социальной помощи, а затем использовать результаты этого эксперимента для разработки методических рекомендаций органам социальной защиты⁷. Проведение этого эксперимента впоследствии было включено в «План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства РФ на 2010 год»⁸, однако конкретный список субъектов Российской Федерации, в которых планировалось его провести, был обнародован только в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 31 мая 2010 г. № 399 и состоял из 17 субъектов⁹.

При этом стоит отметить, что этот эксперимент не был первым случаем применения социального контракта в Российской Федерации, и на момент принятия решения о проведении эксперимента

⁵ В.Путин: активная фаза кризиса преодолена, возобновился экономический рост // 人民日报 (газета Жэньмин Жибао рус.). 31.12.2009. URL: <https://web.archive.org/web/20110519134404/http://russian.people.com.cn/31520/6856672.html> (дата обращения: 08.06.2025)

⁶ «Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 год» (одобрено на заседании Правительства РФ (протокол от 30.12.2009 № 42)) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95815/ (дата обращения: 08.06.2025)

⁷ Дмитрий Медведев поручил Правительству подготовить предложения по совершенствованию системы социальной поддержки малоимущих граждан // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/6738> (дата обращения: 08.06.2025)

⁸ «План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства РФ на 2010 год» (утв. Правительством РФ 02.03.2010). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98787/ (дата обращения: 08.06.2025)

⁹ Министерство Здравоохранения и Социального Развития Российской Федерации. Приказ от 31 мая 2010 года № 399 «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902221008> (дата обращения: 08.06.2025)

по его внедрению на федеральном уровне такая форма социальной помощи де-факто уже оказывалась гражданам по инициативе региональных властей в 12 субъектах РФ (Прокофьева, 2010, с. 13), четыре из которых вошли в список регионов из Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 31 мая 2010 г. № 399. Наиболее раннее применение социального контракта в России произошло в г. Сыктывкар (Республика Коми) и г. Пермь (Пермская область, с 2005 г. – Пермский край) в начале 2000-х гг. в рамках проекта «Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации», являющегося частью программы Европейского союза ТАСИС (Прокофьева, 2010, с. 15), она же – Техническая помощь Содружеству Независимых Государств. Таким образом, можно предположить, что первые случаи использования социального контракта были результатом его рекомендации местным властям западными специалистами, так как к тому моменту в Европе аналог этого инструмента уже использовался. Например, во Франции проект помощи малоимущим гражданам с помощью социального контракта реализуется с начала 1990-х гг. (Гончарук, 2012, с. 72). Более того, по мнению некоторых исследователей, социальный контракт впервые был использован в США во времена Великой депрессии (Орлова, 2022, с. 141). В остальных 10 регионах Российской Федерации эта форма социальной помощи была введена в действие региональным законодательством, начиная с 2005 года (Прокофьева, 2010, с. 15).

По мнению исследователей, эксперимент по внедрению социальных контрактов оказался успешным. Например, в Са-

марской области на момент 2012 г. 469 социальных контрактов были полностью реализованы, причем 80% из них были заключены с семьями, где были дети (Гончарук, 2012, с. 72). В Республике Саха (Якутия) средний доход на душу населения составил 2 673 рубля до проведения эксперимента, а после его проведения увеличился до 4 217 рублей из-за большего вовлечения членов семьи в трудовую занятость (Кудинова, 2013, с. 1-2). В целом, по подсчетам Гончарука Н.С., доходы малоимущих граждан, принимавших участие в эксперименте, в среднем вырастали примерно в два раза (Гончарук, 2012, с. 72).

В пользу успешности эксперимента также свидетельствует тот факт, что 14 декабря 2012 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон № 258-ФЗ, «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной социальной помощи”», который был одобрен Советом Федерации 19 декабря и вступил в силу 25 декабря. Примечательно, что этот закон предписывал изменить исключительно Федеральный закон № 178-ФЗ, внося туда положения о социальном контракте, в отличие, например, от предыдущего закона, вносившего изменения в Федеральный закон № 178-ФЗ – Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу “одного окна”», который предписывал внести изменения в 40 законодательных актов Российской Федерации, включая федеральные законы, кодексы и законы, и Федеральный закон № 178-ФЗ был лишь одним из них¹⁰.

¹⁰ Федеральный закон от 28.07.2012 №133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления

В результате принятия Федерального закона № 258-ФЗ в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» было внесено не только понятие «социальный контракт», но и термин «программа социальной адаптации». Под программой социальной адаптации понимается комплекс мероприятий, направленных на преодоление малоимущим гражданином трудной жизненной ситуации, который разрабатывается этим гражданином и органом социальной защиты. В качестве таких мероприятий могли выступать: поиск работы, прохождение профессиональной подготовки, переподготовки (в дальнейшем формулировка была заменена на «прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования»), осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, ведение личного подсобного хозяйства, а также любые другие мероприятия, направленные на преодоление трудной жизненной ситуации. В Федеральном законе № 258-ФЗ также были прописаны срок действия социального контракта – от 3 месяцев до 1 года с возможностью продления на основании законодательства отдельных субъектов; содержание любого социального контракта, а также финальный этап его заключения – подписание заявителем и руководителем органа социальной защиты. При этом порядок мониторинга социальной помощи на основе социальных контрактов определялся законодательством субъектов Российской Федерации,

а методику оценки эффективности такой помощи планировалось утвердить в порядке, установленном Правительством Российской Федерации¹¹.

Правительство определило этот порядок примерно спустя месяц, изложив его в Распоряжении Правительства РФ от 28.01.2013 г. № 64-р «О методике оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта». Это распоряжение предписывало Министерству Труда совместно с Росстатом утвердить до 1 октября 2013 г. методику, по которой будет оцениваться эффективность применения социальных контрактов и в которую будут включены перечень показателей и критерии эффективности. Министерство Труда и Росстат выполнили это требование еще в сентябре в виде Приказа Министерства Труда и Социальной Защиты Российской Федерации и Федеральной Службы Государственной Статистики от 30.09.2013 г. № 506н/389 «Об утверждении методики оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта»¹².

Промежуточные результаты внедрения социального контракта и дальнейшее развитие законодательства

Стоит отметить, что во время проведения эксперимента по внедрению социального контракта такие соглашения были заключены в достаточно ограниченном

государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902360320#64U0IK> (дата обращения: 08.06.2025)

¹¹ Федеральный закон от 25.12.2012 № 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902388881#64U0IK> (дата обращения: 08.06.2025)

¹² Приказ Минтруда России и Росстата от 30 сентября 2013 г. № 506н/389 «Об утверждении методики оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=398973> (дата обращения: 08.06.2025)

количестве. Например, в Москве в 2011 г. социальный контракт был заключен только с 29 семьями, проживающими в ЦАО (Просвирина, Канадий, 2020, с. 5). Из этого можно сделать вывод, что результаты использования социального контракта до 2013 г. (по крайней мере, в регионах, где социальные контракты до этого не использовались) будут низкой базой для последующих лет.

За период внедрения социальных контрактов наиболее часто заключались контракты на ведение подсобного хозяйства – их число составило примерно шесть тысяч. Однако популярными были также запросы на профессиональное обучение или ведение индивидуальной предпринимательской деятельности.

В среднем срок такого контракта составляет от трех до двенадцати месяцев, но, во-первых, срок отличается от региона к региону (например, в Тверской области срок может быть от 27 до 36 месяцев, а в Республике Бурятия – до 36 месяцев, причем эта верхняя граница по продолжительности в Республике установлена с самого начала внедрения механизма социальных контрактов); во-вторых, контракт может быть продлен при необходимости дополнительного времени для выполнения поставленных задач. Согласно федеральному статистическому наблюдению средний срок продолжительности социального контракта составляет 7,2 месяца, а средневзвешенный (при подсчете которого учитывается кол-во социальных контрактов, заключенных в каждом регионе) – 7,7 месяцев. Особенно высокая максимальная продолжительность социального контракта в Республике Бурятия объясняется особенностями реализации социального контракта в этом регионе – органы социальной защиты выдают членам семьи, с которой заключен социальный контракт, подросших телок, которые могут приносить новый отел только

спустя три года. Таким образом, семья получает молоко для собственного хозяйства и/или для продажи, а также приплод от коров. Через три года отел переходит в распоряжение органов социальной защиты, которые могут отдать его другим семьям, заключившим социальный контракт. В Тверской области максимальный срок социального контракта в 36 месяцев был установлен в 2016 г. в ходе пересмотра порядка заключения социальных контрактов. В случае Тверской области такой срок объясняется иначе: органы социальной защиты используют этот срок для анализа и оценки того, насколько заключение социального контракта оказалось результативным в долгосрочной перспективе (Калашников, Татаринцев, Храпылина, 2017, с. 97). При этом если обязательства по социальному контракту совсем не выполняются, он может быть расторгнут органом социальной защиты, и все выплаты по нему прекращены (Орлова, 2022, с. 142).

Таким образом, социальный контракт дает возможность малоимущему гражданину одновременно и получить необходимые ресурсы, и пройти социальную интеграцию, т.е. получение работы или приобретение им квалификации, необходимой для ее получения, что обычно положительно сказывается на финансовой ситуации гражданина. При этом факт заключения социального контракта не исключает возможности получения других видов социальной помощи. При наличии у заявителя совершеннолетних детей для заключения социального контракта помимо согласия самого заявителя необходимо и их согласие. Для того чтобы иметь возможность заключать социальные контракты необходимо обратиться в региональные органы социальной защиты, которые также предоставляют всю информацию о том кто может заключать такие контракты. Далее требуется

заполнить заявление с указанием состава семьи, доходов каждого из членов семьи и уже имеющиеся льготы, которыми семья (или одиноко проживающий гражданин) пользуется. Затем орган социальной защиты проверяет предоставленные сведения и принимает решение о согласии или отказе от заключения социального контракта. Предоставление неполных или недостоверных сведений о себе ведет к отказу в заключении социального контракта.

Социальный контракт предусматривает два варианта помощи человеку в обмен на выполнение его обязательств по контракту: во-первых, денежные выплаты, во-вторых, натуральная помощь. Денежные выплаты также бывают двух типов: регулярные (ежемесячные) или единовременные. Однако не во всех регионах России придерживаются этого принципа: в каких-то регионах доступны только один или два варианта помощи из вышеперечисленных, а в каких-то доступны все, но предпочтение отдается какому-то одному. Например, по подсчетам С.В. Калашникова, В.Е. Татаринцева и А.П. Храпылиной, в 2015 г. из 73 субъектов России в 47 субъектах все граждане-реципиенты социальной помощи в рамках социального контракта получали только один из трех вариантов помощи: в 38 субъектах – только единовременную выплату, в 7 – только регулярные выплаты, в 2 (Республика Бурятия и Республика Тыва) – только натуральную помощь. В 22 регионах адресаты социальной помощи путем социального контракта могли получить один из двух видов помощи, причем

в 21 из них вариантами были регулярные либо единовременная выплата, и только в Воронежской области двумя вариантами были единовременная выплата и натуральная помощь. Из 22 регионов в 18 превалировала доля тех, кто получал единовременную выплату, а в 4 – доля получателей ежемесячных выплат. Все три варианта помощи использовались только в двух субъектах Федерации – Белгородской и Ростовской областях, причем в Белгородской области более 80% граждан, заключивших социальный контракт, получили единовременную выплату, а в Ростовской области доля получивших единовременную и регулярные выплаты примерно одинаковы, но доля получателей единовременной выплаты все же превышает долю тех, кому платили регулярно (Калашников, Татаринцев, Храпылина, 2017, с. 96-97). Из этих расчетов следует, что в большей части регионов России наиболее предпочтительный вариант помощи по социальному контракту – единовременная выплата.

Из вышеуказанных сведений можно сделать вывод, что социальный контракт в основном реализуется путем поддержки граждан в ведении личного подсобного хозяйства, что приводит к фокусу органов социальной защиты на использовании единовременных выплат как основной формы выплат по социальному контракту, так как регулярные выплаты или натуральная помощь не дают возможности покрыть значительные расходы, требуемые для организации и дальнейшего ведения такой хозяйственной деятельности.

Received: June 13, 2025

Accepted: September 2, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-3-64-73

UDC: 323, 369.032

Public Administration / Research article

EMERGENCE OF A SOCIAL CONTRACT AS A NEW INSTRUMENT OF STATE SOCIAL ASSISTANCE TO LOW-INCOME CITIZENS: KEY CONSEQUENCES

Kirill A. Mordashov, PhD Candidate, Slavic Greek Latin Academy.
Radio St., 20, Moscow, Russia, 105005.
E-mail: kamordashov@edu.hse.ru

Abstract: State social assistance is one of the key areas of a government's social policy and a major tool for improving the quality of life of socially unprotected groups of the population. A unique instrument of state social aid has got a name of "social contract", which is the only compensatory form of social support that imposes obligations on its recipients as much as on the benefactors. Given the direct correlation between the socio-economic situation in the Russian Federation and the evolution of legislation regulating state social assistance – especially during financial and economic crises – it is important to examine the specific circumstances and reasons that led to the inclusion of social contracts in federal legislation regulating the aforementioned aspect. While the historical development of social contracts has been explored in academic literature, no previous attempts have been made to connect this development with general historical processes in Russia. Therefore, it would be appropriate to analyze primary sources, such as legislative acts, and apply historical analysis for achieving this task. It is also important to note that the obligations of social contract recipients can be fulfilled in various ways, just as the financial obligations of the social aid providers signing such contracts can take different forms. Consequently, there is a need to assess the outcomes of social contracts as a social aid tool by examining the most common methods of performing obligations among low-income recipients engaged in such contracts, as well as the most frequently used forms of financial obligations fulfillment by social aid agencies. The primary research methods for this study will include aggregation of government statistics and analysis of academic literature on the subject.

Keywords: social contract, social adaptation, social assistance, low-income, social policy

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Goncharuk N.S. (2012). Sotsial'nyy kontrakt kak stimul k preodoleniyu bednosti v Rossiyskoy Federatsii [Social Contract as an Incentive to Overcome Poverty in the Russian Federation]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. Upravleniye i obshchestvo*, 3, 70–74. (in Russian)

Kalashnikov S.V., Tatarintsev V.Ye., Khrapylna L.P. (2017). Sravnitel'nyy analiz primeneniya sotsial'nykh kontraktov v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Comparative Analysis of the Application of Social Contracts in the Subjects of the Russian Federation]. *Voprosy Gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 3, 92–111. DOI: 10.17323/1999-5431-2017-0-3-92-111 (in Russian)

Khokhlova O.N. (2022). Sotsial'nyy kontrakt kak sovremennyy instrument realizatsii sotsial'noy politiki v Rossii [Social Contract as a Modern Instrument for Implementing Social Policy in Russia]. *Industrial'naya ekonomika*, 4(4), 330–334. (in Russian)

Orlova I.S. (2022). Sotsial'nyy kontrakt kak instrument gosudarstvennoy politiki po snizheniyu urovnya bednosti [Social Contract as an Instrument of State Policy to Reduce Poverty]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 1, 139–146. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-139-146 (in Russian)

Ponomareva L.N. (2010). O normativno-pravovom obespechenii vnedreniya v deyatel'nost' organov sotsial'noy zashchity naseleniya Rossiyskoy Federatsii sistemy sotsial'nogo kontrakta [On the Regulatory Framework for the Implementation of the Social Contract System in the Activities of Social Protection Bodies of the Population of the Russian Federation]. *Sovet Federatsii. Analiticheskiy vestnik*, 8(394), 2–4. (in Russian)

Prokof'yeva L.M. (2010). Sotsial'nyy kontrakt – novaya forma okazaniya gosudarstvennoy adresnoy sotsial'noy pomoshchi naseleniyu v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Social Contract: A New Form of Providing State Targeted Social Assistance to the Population in the Subjects of the Russian Federation]. *Sovet Federatsii. Analiticheskiy vestnik*, 8(394), 6–74. (in Russian)

Prosvirina A.I., Kanadiy I.I. (2020). Gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch' na osnovanii sotsial'nogo kontrakta [State Social Assistance Based on a Social Contract]. *Vestnik Yevraziyskoy Nauki*, 12(3), 1–8. (in Russian)

Shvareva N.V. (2003). Inflyatsionnyye faktory v 1998–2002 gg. [Inflation Factors in 1998–2002]. *Problemy prognozirovaniya*, 2, 72–87. (in Russian)

Литература на русском языке:

Гончарук Н.С. (2012). Социальный контракт как стимул к преодолению бедности в Российской Федерации. Вестник государственного и муниципального управления. *Управление и общество*. № 3. С. 70–74.

Калашников С.В., Татаринцев В.Е., Храпылина Л.П. (2017). Сравнительный анализ применения социальных контрактов в субъектах Российской Федерации. *Вопросы Государственного и муниципального управления*. № 3. С. 92–111. DOI: 10.17323/1999-5431-2017-0-3-92-111

Орлова И.С. (2022). Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности. *Управленческое консультирование*. № 1. С. 139–146. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-1-139-146

Пономарева Л.Н. (2010). О нормативно-правовом обеспечении внедрения в деятельность органов социальной защиты населения Российской Федерации системы социального контракта. *Совет Федерации. Аналитический вестник*. № 8(394). С. 2–4.

Прокофьева Л.М. (2010). Социальный контракт – новая форма оказания государственной адресной социальной помощи населению в субъектах Российской Федерации. *Совет Федерации. Аналитический вестник*. № 8(394). С. 6–74.

Просвирина А.И., Канадий И.И. (2020). Государственная социальная помощь на основании социального контракта. *Вестник Евразийской Науки*. № 12(3). С. 1–8.

Хохлова О.Н. (2022). Социальный контракт как современный инструмент реализации социальной политики в России. *Индустриальная экономика*. № 4(4). С. 330–334.

Шварева Н. В. (2003). Инфляционные факторы в 1998–2002 гг. *Проблемы прогнозирования*. № 2. С. 72–87.

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;
 - Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all key-words (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;
 - **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru
Подписано в печать: 10.10.2025
Тираж 200 экз. / Объем 9,75 усл. п.л. / 1-й завод 38 экз. / Заказ № 2363

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢ

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دري

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עברית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ພາສາລາວ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностранные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru